

МАРИЯ
БРИКЕР

НЕБО ПОД
ЗЕЛЕНЫМ АБАЖУРОМ

Детективные тайны Марии Брикер

Мария Брикер

Небо под зеленым абажуром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2979635

Мария Брикер. Небо под зеленым абажуром: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55014-2

Аннотация

Ее солнце похоже на апельсин. Ее мир – четыре комнаты старой московской квартиры. Ее единственная подруга – потрепанная кукла, а собеседники – любимая мама, старушка-соседка и компьютер... Жизнь незрячей студентки-заочницы лингвистического вуза Алены сделала крутой вираж. Она стала свидетельницей жестокого убийства близкого человека, чудом спаслась и оказалась на вокзале без денег и документов в обществе бродяг и беспризорников. Теперь ее цель – выжить и отомстить... Но как это сделать, если по пятам идут убийцы и полагаться в этом мире решительно не на кого? Остается довериться интуиции и найти во враждебной толпе человека, который... сам нуждается в ее помощи!

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	14
Глава 2	28
Глава 3	62
Глава 4	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Мария Брикер

Небо под зеленым абажуром

«Рука, ощупывающая внешние предметы, дает слепому все, что дает нам глаз, за исключением окрашенности предметов и чувствования вдаль, за пределы длины руки».

И. М. Сеченов

«Когда гаснет телесное око, загорается око ума».

Виктор Гюго

От автора:

Все события, описанные в романе, являются вымыслом. Отделение транспортной полиции, где происходит часть событий книги, ничего общего с существующим линейным отделом транспортной полиции Ленинградского вокзала не имеет. Сходство персонажей с реальными людьми случайно, как и возможное совпадение имен героев.

ПРОЛОГ

Москва, апрель, 1988 год

– Хорошенькая, – улыбнулась Ира, глядя на вопящий щечастый комочек в руках акушерки, и расплакалась от счастья.

– Вес – 3200. Рост – 58 сантиметров. Баскетболисткой будет, – пошутил неонатолог, высокий и острый, как карандаш, мужик.

– Художницей она будет, – возразила Ира. – В деда девочка. Чую – его порода. Он был самый настоящий талант. Только не успел себя реализовать. В Строгановку поступил с первого раза, но учиться не вышло. Из-за войны. На фронт ушел. А когда вернулся, такое время настало, что не до творчества было. Страну пришлось поднимать. На завод пошел работать, передовиком стал. Алешка, когда вырастет, обязательно Строгановку окончит...

– Мамаша, у вас девочка! – строго напомнила акушерка, усталая тетка с отеком лица. Была она крайне неприветливой особой, но в данную минуту Ира любила весь мир. Даже эту оплывшую сволочь, которая постоянно ее унижала и подкалывала во время родов. Какое ее дело, есть муж или нет? Какое ее дело, во сколько лет она решилась завести ребенка? Почему раньше не родила – не ее собачье дело! Спасибо, хоть роды провела нормально и не оставляла

одну. Правда, пару раз шастала чай пить с шоколадкой, которую Ира на роды прихватила. Врач на нее только взглянул, осмотрел вначале, а потом явился во время потуг и чуть не сломал ей ребра, надавив своим весом на живот. После этих манипуляций Алешка выскочила на свет, как пробка из бутылки. Ее Алешка. Белоснежка. Чудо. Красавица.

– Имя, наверное, от Алены производное? – заметил неонатолог. – Сестрица моя племянницу Леночку тоже Алешкой величает. Такая шантропень растет. Вы поосторожней с мужскими именами, мамаша. Вырастет разбойницей.

– Вот и я говорю, что за мода такая мужскими именами девок называть, – буркнула акушерка. – То Слава, то Валера. Теперь снова-здорово – Алешка! От Ленки производная – Алена.

– Кончай бухтеть, Октябрина Петровна. Нормальное имя. По мне, так лучше, чем все эти новомодные Симоны, Марианны и Кристины. Язык сломаешь. Не знаешь, Зурабов сегодня на дежурстве?

– Ушел уже.

– Как появится, скажи, чтобы посмотрел девочку, – добавил врач тихо. – Ну все, я здесь кончил. Если что, я в отделении реанимации. Мальца сегодняшнего проведу.

– Проверяй, не проверяй, а не жилец он, – вздохнула акушерка. – Рожают козы поздно, а потом удивляются, что дети больные выходят. – Октябрина Петровна умолкла и покосилась на роженицу.

Ира слов акушерки не слышала. Маленькая девочка с белой челочкой и большими фиолетовыми глазами заслонила все вокруг. Боль, обида и страх, которые Ира чувствовала всего несколько минут назад, забылись. Осталось только счастье, которое бежало по венам, превращая кровь в искрящиеся пузырьки шампанского.

– Алешка моя станет знаменитой художницей. Она весь мир покорит. Я все для того сделаю. Станет обязательно. Вот увидите, – тараторила Ира, словно боясь, что ее перебьют. – Мне говорили, что дети некрасивыми рождаются. Выходит, ввали. Моя красавицей родилась. Она чудо, да? Посмотрите. Посмотрите на нее! Хорошо, что на меня не похожа. Я-то мышь серая. А дочка другого колера будет. Райской птицей вырастет. Натуральной блондинкой.

– Да смотрим, смотрим мы на твою раскрасавицу. Художницей, говоришь, будет? Верю. Не успела на свет явиться – разрисовала все вокруг, – раздраженно заметила акушерка, меняя пеленку под будущей художницей. Завернув малышку в одеяло, акушерка уложила Алешку в куветик под лампу и вернулась к Ирине. – Ну что, голубушка, готова? – спросила она.

– К чему? – удивилась Ирина, ей казалось, что все уже закончилось.

– Сейчас тебя заштопаю маленько, и поедешь в палату спать. Шовчик внешний, так что отключать тебя не будем. Раз-два, и все дела. Смотри только орать не вздумай. Терпи.

Ты сегодня пятая за смену. Голова от вашего ора раскаляется.

Ира не кричала. Она потеряла от боли сознание. Очнувшись в двухместной палате. Соседняя койка пустовала. Родила она ночью, а сейчас солнце висело в зените, заглядывало в комнату. Неужели она первое кормление проспала? Почему ее не разбудили? Почему не принесли ребенка? Сердце в груди глухо ухнуло, на лбу выступили капли пота, во рту стало сухо и сладко. Она резко села и зажмурилась, комната закружилась, как бешеная карусель. Ира облизнула пересохшие губы, дотянулась до графина с водой, который стоял на тумбочке, сделала несколько глотков. Тошнота отпустила. Ирина осторожно слезла с высокой кровати, доковыляла по стене до двери, вышла в коридор и поплелась на пост. Акушерка встретилась по пути.

– Очухалась, Симакова? Ну и напугала ты нас вчера. Кровотечение открылось у тебя. Пришлось снова бригаду вызывать, наркоз вводить и чистить. Тошнит?

Ирина отрицательно покачала головой, спросила шепотом, где дочь. Говорить было невыносимо трудно, ее высокий голос словно цеплялся за что-то на выходе и шуршал, как пересушенный лист.

– В палату возвращайся шагом марш. Давай-давай, шлепай. Минут через пятнадцать к тебе загляну. Грелку со льдом принесу, – равнодушно сказала акушерка и прошла дальше. Ирина осталась стоять в коридоре не в силах пошевелиться.

Две медсестры провезли мимо тележки с орущими кулечками, уложенными в рядок. Ирина проводила тележки взглядом и вздохнула с облегчением. Теперь ясно, почему Алешку не привезли. Она, мать, отходила после наркоза. Значит, скоро привезут ее лапушку. Она наконец-то рассмотрит малышку как следует, возьмет на руки, приложит к груди, вдохнет молочный запах пушистых волосиков, поцелует пяточки, щечки, носик.

Желание увидеть ребенка было таким сильным, что она сорвалась с места, бегом вернулась в палату и села ждать. За стеной крикали младенцы. Тележки с глухим звуком проехали мимо ее двери несколько раз. Вместо акушерки в палате появился неонатолог, усталый и виноватый. Случилось что-то ужасное, мелькнуло в голове. В груди защемило, холодный страх пополз по позвоночнику. От накатившего ужаса Ирина застучала зубами, ей казалось, что на всю палату.

Василий Петрович присел на стульчик рядом с кроватью, погладил ее по окоченевшей руке, отвел взгляд, задумчиво рассматривая весенний пейзаж за окном, откашлялся, начал что-то ей втолковывать на непонятном медицинском языке. Ира потрясенно смотрела на врача, пытаясь уловить смысл его слов, но ничего не понимала! Врожденный амавроз. Амавроз. Как это понимать? Что это значит? А потом в голове застучало. Врожденный порок. Врожденный порок. Врожденный порок...

– Мне очень жаль, – развел руками доктор. – Ваша дочь

родилась абсолютно слепой. Вчера, когда я осматривал ребенка, обратил внимание, что у малышки полное отсутствие реакции зрачков на свет и легкое помутнение сетчатки. Сегодня офтальмолог подтвердил мои опасения. Предварительный диагноз «врожденный амавроз Лебера», редкая форма наследственного заболевания. Обычно в первые полгода проявляется, но при рождении тоже бывает. Сожалею, очень сожалею. У вас есть родственники, кто страдал подобным недугом?

Ирина отрицательно покачала головой, шепнула сквозь горькую сухость во рту:

– Возможно, у отца ребенка... Я точно не знаю. Господи, как же так? Как это может быть? Невозможно! Моя дочка не может быть слепой. Она же художница! Художница! – Язык заплетался, мысли путались. Неонатолог смотрел на нее с сочувствием и молчал. – Доктор, это ошибка! – настаивала она. – Я совершенно здорова! У меня зрение стопроцентное. А мама только сейчас заказала себе очки. Дальнозоркость развилась с возрастом. Беременность протекала без патологий. Анализы были идеальные. Вы ошиблись, доктор!

Неонатолог отрицательно покачал головой:

– Понимаю, в это сложно поверить, но так случается. Дети рождаются с патологиями развития у совершенно здоровых родителей, – сказал доктор, глаза его сделались совершенно больными. – Ничего не поделать, ничего не изменить. У вас есть возможность отказаться от ребенка. В этом слу-

чае малышку отправят в специальный интернат, где созданы все условия для таких детей. О вашей дочери позаботится государство. Она не будет ни в чем нуждаться. Дома вы ей такой уход обеспечить не сможете. Решайтесь. – Неонатолог посмотрел на часы и снова уставился в окно, покусывая губы, как нашкодившая первоклассница. Некоторое время в палате стояла тишина. Ирина слышала только стук своего сердца, а потом сердце вдруг остановилось.

– Да как вы смеете? – потрясенно прошептала она, ярость накрыла ее с головой. – Да как вы... Как вы... – Она схватила графин с тумбочки, выплеснула воду в лицо доктору и швырнула емкость о стену. Россыпь осколков разлетелась по полу, забрызгала казенные тумбочки и покрывало на соседней койке.

– Дура! – выругался неонатолог, вытирая лицо рукавом халата. – Ты себе представить даже не можешь, что тебя ждет! Как тяжело иметь ребенка-инвалида в нашей стране! Как трудно незрячего ребенка воспитывать и обучать. Сколько сил тебе придется потратить. Сколько нервов. Ты будешь всю жизнь ее опекать, водить за ручку. Я больше тебе скажу: сейчас пока рано окончательный диагноз ставить, но если офтальмолог прав и это врожденный амавроз Лебера, то в будущем возможны соматические нарушения. Задержка роста и психического развития, умственная отсталость, снижение слуха и другие серьезные проблемы со здоровьем. Всю жизнь ты будешь бегать по врачам и работать на лекарства,

носиться по инстанциям, унижаться, выбивать положенные льготы для своего ребенка. Тебе придется доказывать людям, что твой ребенок не хуже других, и мучиться чувством собственной вины. Ты будешь завидовать мамашам, у которых зрячие дети, ненавидеть этих детей и умирать от ненависти к себе. Ты ведь даже не замужем. Мать-одиночка! Так и останешься одна. Ни один мужик не возьмет на себя такую обузу. Подумай, стоит ли калечить свою жизнь. Подумай... У тебя есть еще шанс родить здорового ребенка. Годик подождешь, восстановишься после родов и...

– Пошел вон! – сквозь зубы процедила Ирина. – Даже если бы ребенок родился без рук и без ног... Даже если бы родился уродливой обезьяной! Я никогда бы не написала отказ! Сволочи! Какие же вы сволочи! Да как вы можете? Как смеете! Где моя дочь? Немедленно отдайте мне ребенка!

– Вот и умница, – устало сказал доктор и поднялся, сунул костлявые руки в карманы. – Прости, обязан был тебя предупредить. Тяжело будет, но ты справишься. Сейчас скажу сестре, чтобы принесли твою Алешку. Она у тебя красавица. В выписке адреса и телефоны напишу, куда следует обратиться. – Василий Петрович побрел к выходу, в дверях обернулся: – Себя не вини. Нет твоей вины в этом. Прими то, что есть. Всякое в жизни случается, ничего не поделаешь. Бывают, конечно, чудеса. Наука идет вперед. Глядишь, ученые изобретут методы лечения амавроза Лебера. Ну, счастливо тебе и дочке!

«Бывают в жизни чудеса», – за последнюю фразу доктора Ира ухватилась, как за соломинку. Верить в то, что дочь никогда не увидит солнца, было невыносимо.

Глава 1

НЕУДАЧНИК

Москва. Наше время

Всего один шаг... Темная пасть реки. Перламутр отблесков огней. Холодно. Поздняя осень. Колочий снег царапает кожу. Тонкая курточка. Спина взмокла. Губы соленые... Руки вцепились в литые перила моста. Остыла душа. Один шаг... Господи, прости!..

– Господи, ну сходишь ты за хлебом наконец или нет! Сил моих больше нет! Один шаг ведь до магазина! – раздался над ухом раздраженный женский голос.

Коновалов с треском захлопнул крышку ноутбука и угрюмо посмотрел на жену. Вечно она лезет в самый кульминационный момент. Убил бы! – подумал Лева, но вслух сказал сдержанно:

– Людочка, ну я же просил! Я умолял не отвлекать меня во время работы!

– Тоже мне, Достоевский! – саркастически заметила Людочка. – Работает он! Это я пашу с утра до вечера как проклятая! А ты задницу просиживаешь перед монитором. Бумагомаратель! Гений недорезанный! Работает он. Сколько можно! Обещаниями только кормишь. Я устала на себе все тащить! Вся жизнь из-за тебя наперекосяк! Угораздило же

меня выйти за тебя замуж. Пойдешь за хлебом или нет?

– Пойду, пойду... – проворчал Коновалов, вскочил, вырвал у жены из рук авоську и деньги и вылетел из комнаты. «Пойду сейчас и утоплюсь», – мстительно решил он, снимая с вешалки шляпу и плащ.

– Не вздумай утопиться! Вижу по глазам, опять двадцать пять. Так и знай – домой не пущу! И апельсины с бульоном я тебе в психушку таскать больше не собираюсь! – завопила жена вслед.

– Ведьма, опять мысли читает, – буркнул Коновалов себе под нос, засунул авоську в карман и демонстративно хлопнул дверью.

Он вышел в прохладный вечер и маршевым шагом направил свои стопы в сторону набережной. В голове крутились последние фразы его романа: «Всего один шаг... Темная пасть реки. Перламутр отблесков огней. Холодно...»

– Туфта! Графомань голимая! – выругался Коновалов и почувствовал неприятный холод в ногах. Лева замер посреди пустынной набережной и посмотрел вниз. Вместо ботинок на ступнях были любимые тапки!

Он задумчиво пошевелил пальцами ног и решил, что как-то неправильно прощаться с брэнной жизнью без ботинок. Да и носки у него не первой свежести, с дыркой на пятке. Со свежестью, впрочем, проблема решится быстро, а вот с дыркой... Выловят его тело из мутных вод реки, а у него конфуз такой. Что люди подумают? Людку опять же жалко. Она, са-

мо собой, порадуется, что наконец-то избавилась от неудачника-мужа, но похороны в наше время дело накладное, а денег у нее нет.

Лева в некотором роде предусмотрел этот щекотливый момент и оставил прощальное письмо, где четко обозначил свою волю: после кончины его скромно проводить, никаких поминок не устраивать, торжественных речей не говорить, выпить водки и развеять его прах в деревне Перелипкино, откуда родом его предки. Однако надеяться на супругу нельзя. Людка упряма как ослица и человек мещанской ментальности. Все бы ей сделать как у людей. Похоронит ведь, зараза, в строгом костюме и галстукe, поминки устроит с помпой, памятник на могилке поставит гранитный, созовет бомонд. Вальку, актрису из детского музыкального театра, которая Бабу-ягу играет, причем без грима, подружку свою любимую. И Парамонову, художницу с Арбата. Алкашку-карикатуристку авангардной наружности. Коновалова аж передернуло от мысли, что за персонажи будут рыдать над его бренным телом. И памятники нынче дорогие. В долги влезет или, того хуже, кредит возьмет. Пахать придется вдвое больше, а у нее спина больная и ноги отекают. Здоровье надорвет, не дай бог, сляжет. И будет проклипать его до самой своей смерти. Мало ему проблем на этом свете. Изгрызла, зараза, вечными придирками. Никакого покоя и на том свете не будет. Желание покончить с собой таяло, как бархат растворяющегося в ночи вечера, но покаянная грусть в душе еще

плескалась.

Людку можно понять, но разве он виноват, что планида у него такая, писать в стол. Все его высокохудожественные старания никто не ценит. Никто не покупает его прозу с глубоким философским смыслом. Неформат. Сначала Лева держался, то слепых издателей ругал, то глупых читателей, но в последнее время все чаще накатывала меланхолия. Понял он, что причины неудач в нем самом. Графоман он и жалкий неудачник. Пару попыток суицида Лева уже предпринял, правда, безуспешных. Как только он падал в реку, включался автоматом инстинкт самосохранения, воскресали знания, полученные в школьной секции плавания. Лева сам не понимал, как оказывался на берегу. Последняя попытка и вовсе закончилась неприятно. Коновалов даже прыгнуть не успел, только готовился стартовать в последний путь, вскарабкавшись на чугунные перила набережной, как подъехала «Скорая психиатрическая помощь». Людка, зараза, вызвала. Месяц Лев Борисович провел в отделении для душевнобольных, словно он псих! А он не сумасшедший! Просто устал бороться за место под солнцем и не желает быть обузой. Устал...

Ничего, кроме как писать, Лева не умел, а сочинять то, что приносило бы хоть какую-то прибыль, – не мог. Даже коммерческие рассказы, которые Лев Коновалов, наступив кирзовым сапогом на горло своим принципам, написал ради заработка и попытался пристроить в нескольких дамских

журналах под псевдонимом Лена Валова, и те отвергли. С журналистикой тоже не сложилось. На «джинсу» Лева категорически не соглашался, а статьи его, по мнению редакторов, отличались излишней заумью и не отражали правды жизни.

В перерывах между попытками пристроить рукописи и заработать Лева продолжал писать свой главный роман, который непременно должен стать бестселлером и вознести Коновалова на вершину литературного Олимпа. Он так старался, сосредоточив на будущем шедевре все свои усилия и творческий потенциал, что потенциала стало не хватать на жену. О чем Людочка заявила ему со свойственной ей прямотой. Мало того, супруга добавила, что потенциала ей никогда не хватало, и назвала Леву клиническим импотентом. Удар был ниже пояса. Лева захлопнул ноутбук и попытался доказать жене обратное, но ничего не вышло! В тот злополучный день Коновалов впервые попытался свести счеты с жизнью. И это не получилось. Однако Людочка сразу присмирела и окружила его заботой и вниманием.

На радостях Лева накатал пару глав будущего бестселлера, осчастливил жену и нашел неплохую работу литературного критика в одном авторитетном издании. Служба оказалась непыльная и приносила хоть какой-то доход. В семье воцарился мир. Несколько месяцев он честно читал присланные книги и с воодушевлением строчил разгромные рецензии на современную коммерческую прозу. Счастье длилось

недолго. Один молодой модный литератор сильно обиделся на его критическую заметку и объявил Леве войну. Нервный писатель ему попался. Сначала в своем блоге его приложил, наградив всяческими унижительными эпитетами. Коновалов не растерялся и настроил еще одну рецензию, где распял автора, как бабочку. Тот взбесился всерьез, наката критическую заметку на разгромную статью Левы, используя исключительно нецензурную лексику, и принялся заваливать электронный почтовый ящик Коновалова гневными письмами. В переводе на литературный язык суть его претензий означала, что Коновалов мерзкий завистник, графоман, бездарность и неудачник. В завершение всего модный литератор вызвал критика на дуэль. Лева брошенную «перчатку» с достоинством принял, решив по наивности, что автор вызвал его на дуэль литературную. То обстоятельство, что встречу писатель назначил ему поздним вечером в парке, Коновалова не смутило.

Лева приехал в условленное место в прекрасном расположении духа. С собой он захватил диктофон, чтобы обговорить условия будущей литературной дуэли, а заодно интервью у литератора взять для журнала, дабы умаслить его непомерное тщеславие. Каково же было его удивление, когда вместо ручки и блокнота «дуэлянт» достал из сумки бейсбольную битку и отфигачил несчастного Леву так, что тот очнулся в Склифе с сотрясением мозга, множественными гематомами и переломами.

– О времена, о нравы! – постанывал Коновалов на больничной койке, глядя на свою загипсованную ногу, подвешенную на растяжке. Что он, собственно, такого сделал? Всего лишь дал объективную оценку того говна, что выходило из-под пера модного сочинителя. Мало того, он обеспечил ему отличный пиар. Левина критическая заметка разлетелась по Всемирной паутине, вызвала массу дискуссий, привлекла к автору внимание, а следовательно, увеличила продажи и тиражи. Благодарить должен, скотина, а не бейсбольной битой махать, обиженно размышлял Лева, шевеля пальцами загипсованной руки.

После дуэли строчить разгромные заметки у Коновалова желание пропало. Неблагодарное это дело – критиком работать. Мало того что надо всякий хлам читать, что вредно для психики, так еще потом лечить физические увечья приходится.

Шумиху вокруг инцидента Лева поднимать не стал и заявление о возбуждении уголовного дела о причинении вреда здоровью тоже писать отказался, но и прощать обиду был не намерен. Лева решил отомстить другим способом, немедля дописать свое бессмертное творение, пристроить его в лучшее издательство страны, стать культовым автором с миллионными тиражами и утереть нос модному сочинителю, обскакав его на коне профессионализма.

Вдохновленный этой идеей, Лева взялся за работу с невероятным энтузиазмом, из больницы вышел с новыми гото-

выми главами, но вскоре его гениальный роман скис. Скис и сам Лева. Проблема была в главном герое, выходил он инфантильным и вялым, живости в нем не оказалось и героизма. Каждый раз, сталкиваясь с трудностями, вместо того чтобы отчаянно бороться и выживать, герой бросался в реку. Ежедневно Коновалов садился за работу с надеждой, что вдохновение снова его посетит, герой оживет, передумает топиться, расправится с врагами, и книжку он, Лева, завершит, но ничего не получалось.

Творческий кризис усугубила жена. Ежедневно Людочка капала Лева на мозги, грозила разводом, если он снова не устроится на работу, требовала, чтобы продолжал писать, закатывала истерики, качала права, в общем, вела себя как обычно. Но если раньше наезды жены Лева пропускал мимо ушей, то после «дуэли» каждая претензия Людочки звенела в голове, как разорванная гитарная струна. Видно, сотрясение мозга без последствий не осталось. Коновалов понимал, что так дальше жить нельзя, но отказаться от мести и выбраться из ямы отчаяния был не в состоянии. Он злился на себя и жену, хотя в душе понимал: Людочка права. Разве о такой жизни она мечтала, когда замуж за него шла? Нет, она мечтала стать женой успешного человека. Радовалась, лепетала, что счастлива, сборник его рассказов к груди прижимала и подружкам хвалилась, что ей честь выпала стать женой гения.

Коновалов тяжело вздохнул, вспомнив радужное про-

шное. С Людочкой они познакомились в счастливейший день его жизни – на презентации первого сборника Левиных рассказов. Событие отмечалось в модном кафе в самом сердце столицы, на Сретенке. Людка, тогда еще Людочка, носилась по залу с подносом, обслуживала гостей и не сводила с него восхищенного взгляда. Никогда прежде он не видел таких прекрасных желтых глаз, теплых, как мед, наполненных янтарным светом. Вокруг головы Людочки была уложена шикарная русая коса – большая редкость, раритет, потрясающая огранка. Фигурой Людочка тоже удалась. Крепкая, фактурная, хоть картину маслом пиши. Лицо у нее было простое и милое, но она так тщательно пыталась его скрыть под толстым слоем вульгарного макияжа, что Коновалов лишь силой воображения умудрился разглядеть в девушке естественную крестьянскую красоту. Хотелось немедленно ее умыть и насладиться Людочкиной натуральностью.

Когда Коновалова попросили к микрофону для авторского чтения, Людочка вовсе забыла о своих обязанностях и застыла с подносом напротив сцены. Чтение не заладилось. Лева чувствовал ее пристальный взгляд, и строчки плясали перед глазами. Спасло Коновалова от позора появление на столах водки и горячих блюд. Публика рванула закусывать. Лева с горем пополам дочитал последний абзац, спустился со сцены и, набравшись наглости, подошел к официантке, настрочил автограф, добавил внизу свой телефон и вручил книгу смущенной девушке.

Люда позвонила через два дня, залепетала в трубку, что прочитала рассказы и поражена силой его таланта. Лева ненавязчиво пригласил ее прогуляться. Встретились традиционно старомодно у памятника Пушкину. Долго бродили по Москве, сидели в скверике, держась за руки, как пионеры. Пили горячий шоколад в уютной кафешке, дегустировали крепленое вино у него в квартире. Отвратительное, надо заметить, но Людочка пила его жадно, ладошкой по-детски вытирая остатки напитка с пухлых губ. Она слушала его рассказы о литературе, восхищенно кивала и смотрела на Леву с таким искренним обожанием, что он не сдержался и ее поцеловал. Вопреки своим убеждениям. В отношениях с женским полом Коновалов был консервативен и считал, что к телесным наслаждениям люди должны прийти постепенно, досконально познав друг друга в духовном плане. Все его прошлые дамы, с которыми Коновалов заводил романы, к наслаждениям телесным шли долго через походы в консерваторию, музеи, театры и разговоры о духовном и вечном. Некоторые так и не дошли.

Людочка на его поцелуй откликнулась сочно, и через мгновение они уже были в постели. В сексе девушка оказалась горячее, как глинтвейн, и громкой, как оркестр. Шквал ее страсти Леву оглушил настолько, что он не расслышал тональности ее души и вскоре предстал перед алтарем с женщиной, которая совершенно ему не подходила. Слишком они были разные – провинциальная официантка Людочка,

приехавшая завоевывать столицу из глухой сибирской деревни, и интеллигент до мозга костей Лева, кандидат филологических наук, коренной москвич, выросший в уютном дворике сталинского дома на Фрунзенской набережной.

Первая ссора случилась через месяц после свадьбы, когда Людочка, осмелев, решила навести порядок в его владениях и обнаружила в кладовке внушительную стопку Левиных книг. Пристроить в магазины сборник не получилось, стоять в переходе и торговать своими творениями Лева считал ниже своего достоинства, а друзья и знакомые уже получили по экземпляру. Тираж лежал мертвым грузом и пылился среди ненужных старых вещей, стоптанной обуви, ведер, швабр и сломанной техники прошлого века. На вопрос супруги Лева честно сознался, что издал книгу за счет спонсора и получил за свои труды только духовное обогащение. Людочка ошалаела от этого известия и незатейливо поинтересовалась, на что Коновалов живет. Лева так же прямо ответил, что сдаст квартиру, которая досталась от бабки. Платят не слишком много, но денег ему вполне хватает, чтобы не голодать и заниматься творчеством в свое удовольствие. Некоторое время Людочка пребывала в шоке, а когда пришла в себя, всерьез занялась Левиным перевоспитанием и усадила его за стол, чтобы он немедленно написал бестселлер и продал его в лучшее издательство России.

Она ежедневно следила, чтобы муж не отвлекался, проверяла количество написанных знаков, ходила по квартире

на цыпочках, заваривала свежий чай, готовила турецкий кофе и подбадривала мужа, а вечером упархивала обслуживать посетителей модного кафе, впаривая по ходу Левины книги клиентам. Тираж из кладовки быстро исчез, так же стремительно у Людочки кончилось терпение. Из ласковой простой девушки она перевоплотилась в сварливую заразу. Прямо в сволочь самую настоящую! С одной стороны, жена его поддерживала, с другой – пилила за недостаток денег. Жизнь превратилась в мещанское болото, из которого было не выбраться.

Зачем он на ней женился? Себе жизнь испортил, Людочкину превратил в ад. Она ведь могла устроить собственную судьбу совсем иначе, найти себе достойного мужа из своей среды, который нес бы все в дом и на все руки был бы мастер. А он кто? Неудачник! Жалкий графоман! Ну ничего – скоро он избавит жену от мучений. Она еще молодая, вся жизнь впереди, может, и детей бог даст. Он даже этого не смог. Лева смахнул набежавшую слезу и шумно вдохнул. Октябрь пропах копченым дымком и астрами. Над рекой разлился малиновый закат. Небо вдаль заиграло бледными звездами. Погода к самоубийству тоже не располагала. Завтра. Он это делает завтра.

Домой, однако, идти желания не было. В супермаркет за хлебом – тоже. Хотелось побыть одному и насладиться чудесным осенним вечером, рассмотреть закат. Может, вдохновение накатит и муза погладит его по шляпе. Давненько

они не виделись.

Лева высморкался, уселся на перила моста, достал из кармана пачку папирос, размял одну в окоченевших пальцах, чиркнул спичкой, прикурил, выпустил колечко сизого дыма в небо и замер. В нескольких шагах от него стояла высокая худенькая девушка с длинными прямыми волосами. Блондинка. Натуральная. В руках она держала трость и сосредоточенно рисовала ею что-то на асфальте, закусив нижнюю губу. Одета девушка была странно – в старомодное драповое пальто и кроссовки, словно ей было все равно. Она медленно повернула голову, посмотрела на Леву темными глазами, точнее, сквозь него. Взгляд у нее оказался отрешенный. Лицо, напротив, сосредоточенное, но необыкновенно прелестное и свежее. В нем было что-то сказочное и в то же время провинциальное. Брови и ресницы словно выгорели на солнце, на аккуратном носике обосновалась стайка веснушек, рассыпалась по скулам, на подбородке с чуть заметной божественной ямочкой – свежая царапина, губы сочные и пухлые. Она походила на эльфийку из фэнтезийных романов. Коновалов даже заподозрил, что удивительная блондинка прячет под копной длинных прямых волос острые ушки. Внутри Левы все всколыхнулось. Это была она – Муза, которая так надолго от него упорхнула.

Муза резко развернулась в его сторону и быстро пошла прямо на него, рисуя перед собой тростью узоры.

Коновалов глупо улыбнулся, хотел соскочить с перил на

асфальт, чтобы поздороваться с девушкой, но тросточка внезапно взмахнула вверх, ударила его по подошве тапка – Лева потерял равновесие, размахивая руками, опрокинулся назад и полетел вниз. Удар пришелся на затылок, в ушах зазвенело, и наступила ледяная темнота.

Глава 2

ЧУДО В ВЯЗАНОЙ КОФТЕ

Это был знак судьбы. Божественное провидение. Чудо! Никак не иначе. Чудо встретилось Ирине там, где она меньше всего ожидала, – в районной поликлинике у кабинета заведующей.

В темном коридоре пахло хлоркой, приторными духами и дешевым табаком. У двери кабинета собралась толпа. Заведующая поликлиникой отправилась на консилиум. Ирина заняла очередь, села в сторонке на лавочку и открыла книгу, чтобы скоротать время. Погрузиться в чтение никак не выходило. Очередь гудела. Мужчины возмущались. Молодежь хихикала в сторонке. Дамы обсуждали сериалы. Старушки и старички ворчливо переговаривались, попеременно перечисляли все свои болячки, ругали чиновников, жаловались на маленькую пенсию и дорогие лекарства, вспоминали социализм.

Ирина социализм тоже помнила хорошо: ненавистную школу, утренние линейки, пионерские галстуки, поездки в трудовой лагерь, комарье, песни под гитару, первый поцелуй, слюнявый и пахнущий дешевым табаком, первые заработанные на сборе кабачков и капусты десять рублей, которые она с шиком спустила с подругой в баре на улице Горького на

мороженое и бутерброды.

Она помнила золотую медаль, выпускной, дешевое вечернее платье, сшитое у знакомой портнихи из старых бархатных занавесок, ленту в косе, узкие неудобные туфли на каблуках, стертые в кровь ступни. Скучный МИФИ, нервные сессии, красный диплом. Копеечную зарплату молодого инженера в НИИ, бабский коллектив, индийский чай со слоним, вафельные тортики с орехами.

Лисью шапку и каракулевою шубу, перешитую с маминогo плеча, тяжелую, как самосвал, запах нафталина в трамвае. Модные австрийские сапоги, на которые она сдуру одолжила денег, а потом полгода жила в режиме строгой экономии и отдавала долги.

Сыр «Рокфор», который она по незнанию вернула в магазин, неприветливые лица продавщиц, сочные зимние яблоки, длинные огурцы в пленке, трехлитровые банки с густым томатным соком, молочные коктейли по десять копеек, очереди, газеты с портретами вождей в туалете, ядовитый шампунь «Елена», крем «Балет», ленинградскую помаду, от которой неприятно пощипывало губы.

Она помнила программу «Время», духи «Orium» и «Climat», «Литературную газету», пельмени в бело-красных пачках, хозяйственное мыло, белый снег...

Она помнила праздничные новогодние наборы с венгерской курицей и финским сервелатом, ароматными марокканскими мандаринами. Болгарские помидоры в собствен-

ном соку, «Советское шампанское», шоколадные конфеты ассорти, шпроты, рижский хлеб, неудачный и долгий, как полярная зима, роман с женатым мужчиной.

Она помнила свое пьяное тридцатипятилетие, отрезанную стгоряча косу, ворчание матери и стыдное, сухое, как пергамент, одиночество...

Поездку в Адлер в августе 1987 года по санаторной путевке тем более помнила. Душный номер, выгоревшие желтые занавески, смешливую соседку, исчезающую по ночам, ржавый душ, липкий столик в шумной столовой, вкусные сырники и черешневый компот, пролитый на новенький белый сарафан.

Она помнила теплое море, обгоревшие нос и плечи, горячие песчинки между пальцев, соль в волосах. Колкую минеральную воду и медуз. Запах магнолий и сочные персики. Абхазское молодое вино, влажные простыни и горчичный привкус курортной любви, сулящей счастье.

Он был молод настолько, что ей казалось неприличным с ним появляться на людях. Светлые волосы, выцветшие на солнце ресницы и брови, веснушки, курносый нос, пушок над верхней губой. Высокий, худой, нескладный, наивный и неожиданно страстный в постели Сашенька. Ее Сашенька... Чудесный мальчик, которого она искренне любила двадцать один день, изображая из себя роковую столичную девицу.

На вокзале Сашенька ради приличия попросил у нее телефон, с удивлением разглядывая ее умытое лицо, заколо-

тые и убранные в хвостик рыжие кудри, скромный льняной костюм. Ирина назвала выдуманный номер и нежно поцеловала трехнедельного любовника в прохладную щеку, пахнущую абрикосами и морем. Саша остался на перроне, смущенный и растерянный. Она уехала, увозя с собой долгожданное счастье в своем животе из Адлера в Москву.

Все получилось так, как она хотела. Все получилось! Ради этого стоило перекрашивать мышинные волосы в рыжий цвет, делать перманент и маникюр, шить вызывающие наряды и одалживать у подруги откровенный купальник. Ради этого стоило стать другой, отбросить патологическую скромность и лечь в постель с первым встречным мужчиной – чудесным мальчишкой с белобрысыми волосами и голубыми, как утреннее небо, глазами.

– Будет девочка, я чувствую, – заявила она матери с порога, отшвырнув свой чемодан.

– Шлюха ты, Ирка, – беззлобно сказала мать и ушла в комнату вязать чепчики и носочки.

Несмотря на ее не юный возраст, беременность протекала легко. С работы Ира уволилась, чтобы не омрачать свое счастье кривотолками за спиной и косыми взглядами коллег. Копеечная зарплата инженера не стоила того. К тому же из головы не выходили тягостные воспоминания о собственном нищем детстве и юности. Ира не хотела, чтобы ее дочь нуждалась. Верно говорят, что во время беременности многие женщины раскрываются с неожиданной стороны. Вечная

рохля Ирочка вдруг почувствовала в себе силы кардинально изменить свою жизнь. На сбережения она купила дорогую печатную машинку, нашла несколько клиентов, студентов и аспирантов, взяла заказы на написание курсовых и рефератов. Знания, полученные в вузе, обширная научная библиотека и страстное желание помогли. Писала она быстро, не халтурила, за работу брала по-божески, и вскоре студенты ее имя стали передавать из уст в уста. Пошли заказы на дипломные работы. Мороки было намного больше, но платили за диплом в десять раз дороже. Дело пошло. В конце беременности Ирочка в месяц получала столько, сколько за год не смогла бы заработать в НИИ. Каждую копейку она откладывала на будущее для малышки и страшно гордилась своей предприимчивостью. Мама тоже подсуетилась. Сдала одну из комнат их просторной четырехкомнатной квартиры на Фрунзенской набережной студентке, девушке с Украины. Квартирантка оказалась незаметной и обязательной, платила вовремя и глаза не мозолила. Все шло хорошо. Даже очень хорошо. А потом родилась Алешка...

Диагноз Василия Петровича офтальмолог подтвердил. Подтвердили его и десяток других врачей, которым в отчаянии показывала ребенка Ира. У ее дочери был врожденный амавроз Лебера, наследственное редкое заболевание сетчатки. Василий Петрович во всем оказался прав. Растить ребенка-инвалида было невероятно тяжело. Порой Ира впадала в тупое отчаяние, сходила с ума от боли за дочь, рыдала от

безысходности и валилась с ног от усталости, но ни на секунду не пожалела о том, что не написала отказ.

К счастью, болезнь относилась к тому типу, который не приводит к серьезным соматическим нарушениям. Алешка росла чудесной малышкой, невероятно любознательной, послушной и ласковой. Возможно, она и отставала в развитии от своих зрячих сверстников, но не в силу слабоумия и низкого интеллекта, а из-за объективных причин. Талантов у Алешки особых не наблюдалось, но и дурочкой назвать ее было никак нельзя. Обыкновенный ребенок, только не способный видеть мир глазами. Ее глазами были руки и органы чувств. До десяти лет Алешка не подозревала, что не такая, как все.

«Это апельсин. Понюхай, как пахнет. Он оранжевого цвета и круглый. У него шершавая кожа и сочная мякоть. Чувствуешь, как тепло носику и ручкам? Это солнышко заглянуло в окошко. Оно похоже на апельсин, такое же круглое, но по цвету желтое и сияет. Оно красивое, как ты. Ты – мое солнышко».

Вердикт лучших специалистов в офтальмологии был окончательным. Ничего сделать нельзя. Врачи в один голос твердили, чтобы Ирина успокоилась и приняла все как есть. Уверяли, что вылечить врожденную слепоту невозможно, но она упрямо верила в чудо и мечтала, что когда-нибудь ее Алешка, чудесное белокурое создание, сможет увидеть солнце и этот прекрасный мир.

Двадцать четыре года надежды... И вот наконец-то она дождалась! В прессе замелькали статьи об опытах зарубежных генетиков в области лечения врожденного амавроза Лебера с помощью хитрого вируса, который исправляет генетический недуг. В газете она видела фотографию счастливого, прозревшего после введения вируса в кровь. Наши не отставали. Ирина узнала, что в Питере ученые успешно опробовали уникальный метод лечения амавроза Лебера стволовыми клетками. Прозрел восьмилетний мальчик, который с рождения был слеп. Значит, и у Алешки появился шанс!

Пока опыты шли на добровольцах. Ирина мечтала, что дочь попадет в число счастливых, но как это сделать – не представляла. Все попытки найти выходы на ученых окончились провалом. Осталось только ждать. Тупо ждать...

* * *

Сорок минут прошло. Заведующая так и не соизволила вернуться. Ирина раздраженно сунула телефон в карман. Не любила она оставлять Алешку надолго одну. Кто знает, что взбредет в ее голову. В последнее время дочь все чаще проявляла упрямое желание делать все самостоятельно, приходилось мягко гасить ее инициативу. При всем желании Алексис, так на французский манер любила называть внучку покойная бабушка, способностей к интеграции в обществе не имела. Породой она вышла вовсе не в деда, как предполага-

ла Ирина, а в отца. Такая же нескладная, стеснительная и неуклюжая. Даже после обучения в реабилитационном центре, где готовили незрячих людей к выходу в большой мир, у Алешки плохо получалось ориентироваться в пространстве. Несколько месяцев потом они вместе изучали маршрут от дома до ближайшего супермаркета, аптеки и поликлиники – все без толку. Дочка все так же нуждалась в сопровождении, но отчаянно пыталась избавиться от опеки. Ирина и рада была бы отпустить ее, но главному ребенок так и не научился. Алешка не умела просить помощи у посторонних людей и, когда сбивалась с маршрута, застывала столбом посреди дороги. Не умела она и избавляться от навязчивых помощников. Сердобольные идиоты уводили ее с привычного пути, а потом бросали. Ирина всегда следовала за дочерью, наблюдала издали за ее поведением, рыдала от отчаяния и злилась на людей. Глупые зрячие категорически не понимали, что слепой ориентируется на местности по своей четко выстроенной в голове карте. Важно все – запахи, звуки, щербинки на асфальте. Если незрячего бесцеремонно увести в сторону, а так большинство идиотов и поступали, решив ему помочь, то он попросту потеряется. Чтобы не случилось таких неприятностей, слепому надо уметь вежливо, но твердо отказываться от подобной помощи или уметь четко объяснить, что именно ему требуется. Алешка не умела, терялась, стеснялась или, напротив, чувствуя свою беспомощность, реагировала на предложения помочь агрессив-

но. Порой «помощников» это сильно раздражало и вызывало у некоторых энтузиастов ответную волну агрессии. Попадались и отморозки, оскорбляли, издевались, подножки ставили, трость из рук вырывали – сволочи. Сволочи поганые. Благо Ирина всегда оказывалась рядом вовремя и уводила Алешку подальше от человеческой ненависти, подлости и оскорблений. Совсем недавно в городе появилась еще одна напасть. Тротуарная плитка для слепых. Идея правильная, но порой укладывали плитку абы как люди некомпетентные, нанятая дешевая рабочая сила. Из-за неграмотной укладки Алешка несколько раз чуть не попала под машину. Зимой вовсе плитка превращалась в скользкую полосу льда. Город не желал принимать людей с физическими недостатками.

Попытки Алешки самостоятельно приготовить еду, сделать что-то по дому тоже частенько заканчивались бытовыми травмами, порезами, ожогами, разбитой посудой, поломанной техникой и злыми слезами дочери. Довольно! Береженого бог бережет. Не готова ее девочка к свободному плаванью. Пусть дома сидит, книжки читает, в Интернете общается и занимается. Сколько сил ушло на то, чтобы создать ей все условия для приятного времяпровождения. Компьютер со специальной программой для незрячих, позволяющей выходить в Интернет, читать новостные сайты и форумы, находить информацию и общаться в Сети, обошелся Ирине в круглую сумму. А сколько времени и нервов ушло на то, чтобы обучить Алешку пользоваться программами! Тысячи го-

ворящих книг и книг со специальным шрифтом Брайля, музыкальные диски на любой вкус, игрушки, инструменты. У Алешки было все для счастья, но с каждым днем ее девочка становилась невыносимее. Чем недовольна, спрашивается? Что ей не живется спокойно? В глубине души Ира понимала – гормоны бушуют. Выросла ее девочка, организм требует мужского тепла. Но это пройдет. Сколько кризисов они пережили и этот переживут. В пятнадцать лет, когда Алешка влюбилась в какого-то недоумка из Интернета и захотела с ним увидеться, а он отказался, передумал связываться с незрячей подружкой, – пережили и сейчас переживем. Главное, самой не загнуться. Сердечко в последнее время шалит, давление скачет, усталость не проходит и бессонница. Ноги отекают, спина отваливается.

Ирина помассировала поясницу и вздохнула. Как жаль, что мама умерла. Она хозяйство вела, за Алешкой следила, когда Ира работала. С появлением Интернета заказы на рефераты и дипломные работы сократились. Денег не хватало на то, чтобы Алешку с ее специфическими потребностями поднять. Пришлось в срочном порядке переучиваться на бухгалтера. Работа оказалась востребованной. После перестройки коммерческие фирмы плодились, как грибы. Новая профессия давала возможность большую часть времени находиться дома, рядом с дочерью. Ирина вела сразу несколько небольших компаний, моталась по фондам, сдавала отчеты в налоговую, а в свободное время воспитывала Алешку.

Теперь все на ней – дом, заработок, заботы о дочери. Хозяйство требует времени. Алешка требует свободы. Сил нет, и пожаловаться некому. С единственной подружкой Аринкой связь прервалась вскоре после того, как родилась Алешка. Разошелся круг интересов. Ира зациклилась на дочери, на горе, на своих проблемах, переживаниях. Эгоцентричная Арина, которая любила быть в центре вселенной и всегда требовала внимания к своим проблемам, пошла по жизни дальше без нее. Кажется, вышла замуж и переехала в Питер. Совсем Ира одна и так устала, что жить не хочется. Но надо держаться. Ради доченьки. Без нее Алешка пропадет.

«Может, к терапевту заглянуть, пока эта клуша заведующая заседает на консилиуме?» – подумала Ирина и в который раз посмотрела на часы. Полтора часа бессмысленного сидения в очереди. О чем они вообще думают – эти заведующие, отправляясь заседать в приемные часы.

Ирина с раздражением захлопнула книгу и вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Она подняла голову и растворилась в каштановых глазах дамы с седыми волосами, которая стояла у стены напротив. Внешне дама выглядела как тысячи обычных среднестатистических женщин в возрасте: гладко убранные в пучок волосы, старомодные серьги с рубинами, позолоченные часики на пухлой руке, вязаная серая кофта с широким воротником, длинная трикотажная юбка. На пышной груди голографический кулон в форме глаза, такие обереги частенько носят люди, опасаящиеся порчи. Из

общей массы даму выделял глубокий, проникающий в самое сердце взгляд и бешеная энергетика. Ирина буквально кожей почувствовала тепло, которое исходило от незнакомки.

– Простите, не подскажете, прием у заведующей до которого часа? – поинтересовалась дама, поймав взгляд Ирины. Голос у нее оказался тихий и нежный.

– Прием десять минут как завершился, но, по сути, еще не начался. Шершнева на консилиум отправилась.

– В таком случае, может быть, ждать не стоит? – спросила женщина и села рядом на лавочку.

– Заведующая обязана всех принять, не волнуйтесь, – успокоила Ирина. – Мы же не виноваты, что ей приспичило отлучиться в приемное время. Лично я никуда не уйду, пока не получу то, за чем пришла. Думаю, скоро она вернется, и очередь в мгновение рассосется. Шершнева всегда так. Шляется где-то, а потом за пять минут все вопросы решает. Вообще-то она нормальная тетка. Входит в положение всегда, несмотря на горячность. Бывает, облает, как собака бешеная, а потом по всей поликлинике носится, проблему решает.

– Вижу, вы здесь частый гость, – с мягким сочувствием заметила дама и поправила голографический глаз на груди. – А я вот недавно в Москву из Питера перебралась и пока здесь плохо ориентируюсь. Решила вот...

– На учет хотите здесь встать? – предположила Ирина.

– Угадали, только еще не решила, либо в этой или в 155-й

поликлинике. Зашла вот оглядеться и с людьми поговорить. А тут такой гвалт стоит. Вы простите, что я вас вопросами терзаю. Вы мне показались наиболее вменяемым человеком из всех.

– Да что же вы извиняетесь. Понятное любопытство. Кругом такой бардак. Я вам вот что скажу. Оформляйтесь однозначно сюда. Поликлиника с виду обшарпанная, но специалисты здесь неплохие работают. Очереди, конечно, бывают, но где их нет.

– Это точно! В коммерческих медицинских центрах и то есть, – усмехнулась дама. – У меня была коммерческая страховка, но работодатели из-за кризиса ее не продлили. Экономят. Удивительно, занимаюсь медициной, а страховки у самой нет.

– Вы врач?

– Генетик. Занимаюсь стволовыми клетками.

– Надо же! – вырвалось у Ирины.

– А что вас так удивило? Я не похожа на генетика? – улыбнулась дама.

Ирина смутилась.

– Да нет... В смысле... Честно говоря, я понятия не имею, как выглядят генетики.

– Так же, как обычные люди, – рассмеялась дама. – Спасибо вам за консультацию. Считайте, я определилась. Но ждать все-таки не буду. Пойду. В другой раз загляну. Всего вам доброго. – Женщина поднялась и снова тяжело опустилась

на кушетку, прислонилась к стене, закрыла глаза.

Ирина обеспокоенно тронула ее за плечо.

– Вам плохо? Врача позвать?

– Не волнуйтесь, сейчас пройдет. Просто резко встала, и в глазах зайчики заплясали. Все из-за повышенного глазного давления. Как климакс начался – разваливаюсь. Я словно сапожник без сапог. Другим помогаю обрести зрение, а свое в порядок привести не могу.

– Что? Что вы сказали? – пролепетала Ирина, сердце забилось как птица в клетке.

– Никогда не слышали об амаврозе Лебера? Мы с коллегами разработали уникальный метод лечения этого врожденного недуга. Результаты нас радуют, но продвинуть метод пока не получается. Научные открытия в нашей стране никого не интересуют. Государство никакой помощи не оказывает. Просили у чиновников субсидии и гранты – получили отказ. Да еще академики палки в колеса ставят, старые маразматиками! Одна надежда на зарубежных коллег. Ученые с мировым именем методикой заинтересовались. Хотят перенимать опыт, денег обещают. А нашим все безразлично. Обидно это очень. Если так дальше пойдет, придется сворачивать научный эксперимент.

– Как же так?

– Ничего не поделаешь, – развела руками дама. – Мы не коммерческая структура. Все наши врачи бессребреники. Работаем круглые сутки за копейки, но генетика – нау-

ка, требующая больших денег. Лечение одного пациента обходится в весьма круглую сумму из-за дорогого уникального оборудования и расходных материалов. Незрячие люди, согласившиеся стать добровольцами, заплатить такую сумму чаще всего не в состоянии. Да и неэтично это брать деньги с инвалидов. Пытаемся гранты выбить, ищем меценатов, в фонды благотворительные обращаемся... Господи, что с вами? – обеспокоенно спросила дама, глядя на Ирину. – Вы так побледнели. Вам что, нехорошо?

– Сколько? – задыхаясь от волнения, спросила Ирина и схватила женщину за руку. – Сколько стоит лечение? Я заплачу! У меня есть средства. Помогите моей дочке. Умоляю!

– Боже мой, неужели у вашей дочери тоже? – ошарашенно спросила незнакомка. Ирина судорожно кивнула, говорить она не могла. – Как вас зовут?

– Ирина. Ирина Андреевна, – хрипло представилась она и зачем-то добавила: – Я живу тут, поблизости.

– Очень приятно. А меня Людмила Петровна зовут. Можно просто Люда. Мы ведь с вами примерно одного возраста. Да вы не волнуйтесь так.

– Вы крайняя? – рявкнула над головой пожилая неопрятная тетка. Ирина отрицательно покачала головой. – Как же не вы, если мне на вас указали? – не унималась неряха.

– Вот что, Ирочка, – шепнула ей на ухо Людмила Петровна и взяла ее под локоть. – Пойдемте. Здесь неподалеку есть кафе, где спокойно можно поговорить. Выпьем чайку,

вы мне подробно расскажете о своей беде. А я подумаю, как вам помочь.

* * *

В кафе Ирина не была тысячу лет. В голову не приходило, что можно заглянуть в подобное заведение, сесть за столик у окна и заказать чай за немыслимые деньги. Расточительство сплошное. Она даже осуждала людей, которые столь бездарно проводят свободное время, но в данную минуту о своих принципах забыла напрочь. За Людмилой Петровной она готова была идти хоть на край света.

«На краю света» было тепло и уютно. На столиках крахмальные скатерти и живые цветы, тихая музыка, услужливые официанты. Вместо чая Ирина заказала кофе. Людмила Петровна последовала ее примеру и присовокупила к кофе коньяк. Жуткое расточительство! Но Ирина тоже заказала коньяк. Сегодня можно. Сегодня все можно. Выпить ей просто необходимо, чтобы успокоиться и перестать стучать зубами от волнения.

Официант еще не успел принести заказ, а Людмила Петровна уже знала об Ирине и ее дочери все, но отчего-то молчала, смотрела на нее с сочувствием и вращала пепельницу на столе, размышляя о чем-то. Наконец принесли напитки.

– Так как? – не выдержала Симакова.

– Понимаете, в чем дело, Ирочка, не все типы этой болез-

ни поддаются лечению. Соответственно, не всех пациентов мы берем. Ваш тип амавроза Лебера корректируется на девяносто процентов. Мы вполне могли бы попробовать, однако гарантий я дать не могу. Мы не боги, а врачи. – Людмила Петровна порылась в сумочке и положила на стол глянецовый каталог. – Здесь про наш центр написано.

Ирина придвинула каталог к себе и с жадностью пролистнула. Сам центр выглядел как санаторий, везде цветы и яркие краски. Уютные палаты, довольные лица пациентов. На последней странице Людмила Петровна в белом халатике обнимала счастливую толстенькую девочку с небольшим косоглазием.

– Это Марусенька, моя первая поправившаяся пациентка. Она родилась незрячей, случай в традиционной медицине безнадежный, но мы смогли ей помочь, – с нежностью сказала Людмила Петровна.

– Сколько стоит курс? – закричала Ирина на весь ресторан не в силах справиться с эмоциями.

– Около ста тысяч, – вздохнула Людмила Петровна, сунула каталог обратно в сумку, помешала ложечкой кофе, сняла сверху пенку и отправила в рот.

– Не проблема! У меня есть сбережения. Я всю жизнь их откладывала для Алешки. Чтобы, когда меня не станет, она смогла выжить. На святое дело потратить их не жалко. Когда дочка поправится, то выживать ей не придется. Правда ведь? Она станет жить в полную силу, без посторонней по-

мощи. Господи, какое счастье, что я вас встретила! Это просто невероятно. Я верила, что придумают способ избавления от этого недуга. Всю жизнь верила. Читала про ваш центр и про метод лечения стволовыми клетками в газетах. Сто тысяч рублей у меня есть. Куда их перечислить? Или вы наличными принимаете?

– Боюсь, вы не совсем правильно меня поняли, Ира. Лечение стоит сто тысяч евро, – смущенно уточнила Людмила, и пол под ногами у Иры закачался. Сто тысяч евро! Сто тысяч! Евро! Это же больше четырех миллионов рублей. Астрономическая сумма! За всю жизнь она накопила около миллиона, работая как проклятая. На дочь, правда, не жалела, иначе накопила бы больше. Где взять еще три?

– У меня столько нет... – подавленно сказала Ирина, чуть не теряя сознание.

– Ирочка, не волнуйтесь! – воскликнула Людмила Петровна. – Боже мой, что же я наделала! Обнадежила, старая дура. Теперь вы будете искать эти деньги как одержимая. Квартиру, не дай бог, продавать вздумаете. Да, ваш тип поддается лечению, но наш метод находится только в стадии исследования. Повторяю, я не могу вам гарантию дать, что будет стопроцентный результат. Так что вы, пожалуйста, не горячитесь. Квартиру не вздумайте продавать! Как я вам уже говорила, зарубежные коллеги готовы вложить деньги в наши опыты и предоставить нам грант на дальнейшие исследования. Когда мы получим грант, я возьму вашу девочку

бесплатно, обещаю.

– Даже не знаю, как вас благодарить. Господи! Господи, спасибо! Сколько надо ждать?

– Вопрос о финансировании должен решиться буквально на днях. – Людмила Петровна деловито посмотрела на часы. – Я вам позвоню. Не волнуйтесь, Ирочка, все будет хорошо. Диктуйте свои координаты.

Ирина продиктовала номер телефона и залпом выпила коньяк. Людмила Петровна попросила счет, но заплатить Ирина своей благодетельнице не позволила, придвинула кожаную узкую папку к себе. В счете оказалась невероятная сумма. Она и не подозревала, что за две чашки кофе и двести граммов коньяка нужно столько заплатить. Тысяча пятьсот сорок рублей! За эти деньги она могла бы купить целую бутылку и четыре банки не самого паршивого растворимого кофе. На чай она решила не давать, но официант сдачу, целых шестьдесят рублей, зажулил. На эту сумму она могла купить две пачки чая. Ирина поискала официанта глазами, чтобы потребовать вернуть деньги, но Людмила уже поднялась со своего места и надела пальто. Ирина тоже встала, нацепила мохеровый берет и кожаную куртку, смущенно заправив за воротник старенький шарф. Знала бы, что встретит такого человека в поликлинике, надела бы что-то попримечнее. Неловко, как неловко получилось!

Они простились у дверей кофейни, как давние подруги. Ирина в эйфории отправилась домой и, только оказавшись у

подъезда, вспомнила, что забыла взять у Людмилы Петровны телефон. От ужаса прихватило сердце. Ноги стали ватными, и пот выступил на лбу. Какая же она идиотка! Идиотка! Дура пустоголовая! Ирина размахнулась и треснула себя телефоном по лбу. На глазах выступили слезы от боли и отчаяния. Берет съехал набекрень. Она растерянно огляделась, пытаясь сообразить, что делать, и бросилась в сторону набережной. Людмила отправилась туда. С момента их расставания у кафе прошло не больше пяти минут. Вдруг задержалась где-нибудь? Зашла в ночной супермаркет, и ей удастся ее перехватить?

Вместо Людмилы Петровны Ира обнаружила на набережной собственную дочь, которая столбом стояла у парапета.

– Опять смоталась, зараза такая! Выпорю, ей-богу, выпорю, – в сердцах бросила она и крикнула: – Алешка! Почему ты здесь? Не стыдно мать пугать?

Дочь медленно обернулась в ее сторону, даже издали было видно, как она бледна. Трость валялась у ее ног. Выронила палку и сбилась с маршрута, решила Ирина и мгновенно подобрела. Бедненькая. Несчастливая девочка.

Ирина подняла трость, вложила в окоченевшую руку дочки, но палка снова выскользнула и упала на асфальт с глухим стуком. Алешка не пошевелилась. Она была словно неживая.

– Доченька, что с тобой? – встряхнула ее Ирина. – Что с тобой? Кто тебя обидел? Где болит?

Алешка не отвечала. Она находилась в глубоком шоке.

– Ничего, ничего, лапушка. Все будет хорошо. Пойдем, моя милая. Пойдем, солнышко. Замерзла. Что же ты не позвонила? Я бы сразу примчалась.

– Я потеряла телефон, – глухим голосом сказала дочь. – Мама, прости меня.

– Ты из-за этого расстроилась! Боже мой! Подумаешь, телефон. Новый купим. Ерунда! Нашла, из-за чего переживать. – Ира взяла дочь под локоть и тут обратила внимание, что Алешка держит в руке мужской поношенный тапок. – Что это у тебя? – растерянно спросила она.

– Мама, прости меня, – как робот повторила Алешка и добавила: – Кажется, я убила человека.

На мгновение Ирина лишилась дара речи.

– Боже мой, что ты говоришь? Что за бред ты несешь? – закричала она, встряхнула дочь и заглянула ей в лицо.

– Я убила человека, мама! Прости меня. Все произошло случайно. Я решила прогуляться, пока тебя нет. Думала, смогу одна. Ничего у меня не получается. Не успела от дома отойти, сбилась с маршрута.

– Алеш, тут просто асфальт залатали недавно. Потому ты все наши прошлые ориентиры не нашла и потерялась. У тебя все получится, доченька! – пролепетала Ирина.

Дочь ее не слышала.

– Я решила выйти на набережную и найти выбитый в парапете прут. Помнишь, ты мне показывала. Шагнула к парапете

ту и вдруг наткнулась на какое-то препятствие, мягкое, пружинистое. Остановилась и услышала хлопок. Словно что-то тяжелое в воду упало. А потом у меня мобильный выскользнул из кармана в реку. Я не смогла никуда позвонить. Стала звать на помощь, никто не откликнулся. Только машины мимо проносятся. Пыталась остановить, трость выронила. Нагнулась и нашла вот это на асфальте. – Дочь протянула ей тапок. – Здесь сидел человек, на парашюте, он курил дешевые папиросы, как наша бабушка, и я его сбросила в реку. Надо позвонить в полицию и все рассказать.

Ирина вздрогнула, заметив на асфальте истлевший окурок папиросы, в ужасе перегнулась через перила и посмотрела в воду. Что-то темное, похожее на шляпу, качалось у самого берега на волнах. Больше ничего подозрительного она не увидела.

– Не выдумывай! – рявкнула Ирина, обливаясь холодным потом. – Мало ли что там в воду упало. Когда тонут, орут на все окрестности. На помощь зовут. Кто-нибудь кричал?

– Нет.

– Про то и речь. Глупости! Глупости ты говоришь! В это время года никто не носит тапок. Их вообще не надевают на улицу. Кто-то выкинул свое барахло, а бомжи растащили по окрестностям. Пойдем домой, ты совсем замерзла. Не дай бог, простудишься.

– Он был преклонного возраста, нуждался в деньгах, страдал от радикулита, и дома у него живет кот, – прошептала

Алешка.

Ирина посмотрела на дочь ошарашенно.

– Алешка, прекрати немедленно! Что ты выдумываешь-то?

– Я не выдумываю! Он пользовался недорогой парфюмерией. Значит, достаток в семье невысокий. Еще я уловила запахи хвойного масла, арники и розмарина. Бабушка, когда ее прихватывал радикулит, натирала спину такой гремучей смесью. Радикулит – это болезнь пожилых. Запах кота я не спутаю ни с каким другим. Помнишь, в детстве у нас жил Антошка. Вы еще дразнились: Алешка – Антошка. Бабушка его отдала, потому что обои драл и метил все вокруг. Я до сих пор его помню и люблю. Не стоило кота отдавать.

– Выхода не было, Алешенька. Обои ни при чем. У тебя аллергия на кошачью шерсть началась, сопли текли ручьем, и хрипы в легких появились. Врач сказал: немедленно избавляйтесь от кота, иначе аллергия может перейти в астму. Вот я и попросила бабушку пристроить Антошку в хорошие руки. Ты меня, конечно, прости, но я мать, и мне твое здоровье дороже.

– Надо было мне сразу об этом сказать, а не выдумывать сказки про обои. Я бабушку ненавидела, считала убийцей и долго не могла простить. Я же сразу поняла, что Антошку в ветклинику отвезли.

– Да что с тобой сегодня! Постоянно глупости какие-то говоришь. С чего ты это взяла? – испугалась Ирина, радуясь

в душе, что дочка не видит выражения ее лица. Она угадала. Бабушка кота усыпила. Боялась, что придет обратно. Алешку он обожал.

– Не надо, мама! Хватит меня обманывать. Я не ребенок уже! Вы мне сказали, что бабушка к родственникам в деревню Антошку отвезла. А у нас нет никаких родственников. Ты сама мне об этом говорила. Я тебя не осуждаю. Ты ради меня это сделала. Ради моего здоровья. Только все равно я кота не могу забыть.

– Пойдем домой? – устало сказала Ирина.

– Нет, – уперлась дочь. – Надо позвонить в полицию и все рассказать. Это же человек, а не кот!

Ирина подняла трость, крепко ухватила дочь за локоть и потащила за собой.

– Тебе все привиделось, солнышко, – уговаривала она ее, а заодно и себя по дороге домой. Похоже, Алешка ничего не выдумывает. Она стала свидетелем гибели какого-то человека. Возможно, невольно поспособствовала падению в реку неизвестного гражданина. Шляпа у берега и окурочек тому подтверждение. Ужас какой-то! Кошмар! Только этого ей не хватало! – Здесь недалеко кафе и супермаркет. Кто-то выкинул мусор в реку и ушел, а запахи остались. В полицию не звони. Не вздумай! Там работают одни сволочи. Непорядочные там люди служат. Им лишь бы повод был на кого-то дела нераскрытые повесить. Не звони, лапушка моя. Тебе просто показалось. Осмеют они тебя, унизят. Забудь обо всем. Ни-

чего не случилось. Ничего не было. Тебе показалось, деточка моя.

Алешка больше не проронила ни слова, замкнулась в себе. Дома Ирина заварила чай с успокоительными травами, налила туда коньяка, напоила дочь. После коньяка и чая Алешка расквасилась, стала клевать носом за столом. Ира уложила ее в постель, дождалась, пока она уснет, закрылась в ванной, включила горячий душ и долго стояла под струями, чтобы согреться и смыть с сердца чувство вины. Проклятый кот! Мало он ей хлопот доставил. Обоссал все вокруг, изодрал мебель и дочку чуть не угробил. Вот он – привет из прошлого. Расплата за грехи. Дочь явно в ней разочаровалась. Идеалистка хренова! Воспитала на свою голову. Теперь еще утопленник. Откуда он взялся, этот мужик с котом, «Беломором», радикулитом и материальными проблемами? Какого черта поперся на набережную в тапках? Кто он такой вообще? Явно не бомж, раз одеколоном надушен. В тапках – значит, проживает где-то поблизости. Покурить вышел? Если так, то женат. Или, может, гастарбайтер? Любят они в тапках по улицам шастать. Узбек? Определенно узбек. Может, он траву курил, а не табак. Говорят, наркоманы в папиросы траву набивают. Наркоман паршивый. Обкурился и сам в реку упал. Вот только шляпа в воде... Разве узбеки носят шляпы? Да и котов не заводят. Себя бы им прокормить. Кто бы он ни был – живет рядом. Значит, хватятся скоро. Вдруг не найдут? Не поймут, где искать. Господи, грех-то какой!

Ирина намылила голову шампунем и подставила лицо под струи воды. Грех, не грех, но что она могла сделать? Прыгнуть за ним в реку и тоже утонуть? На помощь позвать? Человеку, который свалился с парашюта в воду, уже ничем нельзя было помочь. Нельзя! А ее дочке можно. Скоро Алешку ждет новая, полная света и солнца жизнь. Все будет хорошо. Людмила – чуткий и добрый человек, она обязательно позвонит. Надо только ждать, а ждать она умеет. Все она сделала правильно. Оградила Алешку от неприятностей и проблем. Куда ей такая обуза на душу. Завтра она окончательно убедит дочь, что ничего не случилось.

Сердце вдруг больно сдавило, за грудиной разлилась невыносимая боль, дыхание перехватило. Ирина скрючилась, хватая воздух ртом, завинтила кран ослабевшей рукой, с трудом вылезла из ванны, потянулась за полотенцем. Полотенце упало на пол. Поднять не получилось. Огонь в груди вспыхивал все сильнее от каждого ее шага и движения. Она добрела до кухни, обнаженная, оставляя на кафеле мокрые следы. Достала аптечку, положила под язык нитроглицерин, рухнула на табурет и закрыла глаза. Боль потихоньку отступала, дышать стало легче. Очередной приступ стенокардии. Ничего удивительного. Не день сегодня, а сплошные потрясения. Бегала, как молодая лань, по холоду. Коньяку сдуру выпила и крепким кофе запила. В душ горячий полезла. Идиотка! Слава богу, не инфаркт. В пятьдесят девять лет инфаркт как-то чересчур рано. Пятьдесят девять... Боже, как

жизнь быстро пролетела.

Вспомнился вдруг Сашенька, его голубые глаза и нежная улыбка, совсем такая же, как у Алешки. Сашенька... Славный мальчик, который сделал ее счастливой. Саша все еще молод и полон сил. Разве сорок пять для мужчины возраст? А она старуха со стенокардией и больной спиной. Интересно, как сложилась его судьба? Несколько раз Ира порывалась разыскать отца Алешки. Сначала для того, чтобы выяснить у него о наследственных недугах. Совесть свою успокоить, что нет ее личной вины в пороке дочери. Потом, когда ее ангелочек стал подрастать, хорошеть с каждым днем, феноменально походить на отца и делать первые успехи, – чтобы рассказать ему о чудесной дочери, поделиться радостью. Остановил ее панический страх, что Саша не признает дочь. Или того хуже – саму Ирину не признает. Мало ли у него, симпатичного юноши, было подобных курортных романов.

Потом Ире страстно захотелось вновь испытать любовь, искупаться в ее теплых волнах, напитаться сочными соками. Секса тоже отчаянно хотелось. Найти Сашеньку в то время она так и не решилась. От отчаяния разместила анкету на сайте знакомств и завела себе любовника. Милейшего во всех отношениях пенсионера Ивана Петровича. Несколько свиданий в его обшарпанной квартире хватило, чтобы у нее отбило желание искать приключений на свою голову.

Когда начался климакс, больше не хотелось ни любви, ни постели. Внешне никаких особых изменений Ирина в себе не

заметила. Фигура от природы досталась ей стройная, а невысокий рост и немного детская внешность делала ее моложе своих лет. Морщинки наметились только в уголках глаз, чуть резче стали носогубные складки, а в остальном время ее пощадило. С виду и не скажешь, что ей давно перевалило за сорок, но в душе она чувствовала себя старой. Сашенька в то время был в самом расцвете сил. Ему исполнилось тридцать три. Ирина решила: наверняка он обзавелся семьей и детишками, здоровыми детишками, и снова передумала Сашу искать.

Написать Саше она наконец-то решилась, когда почувствовала себя плохо. Случилось это после смерти матери. Как она выглядит, ей уже было плевать, Ира беспокоилась только за дочь. Не дай бог, с ней что-нибудь случится, и Алешка останется совсем одна. Разве дочь не имеет полное право знать, кто ее отец? На тему отцовства Ирина всегда отшучивалась, говорила дочери, что ее принес аист. Поэтому она не такая, как все, особенная девочка. Алешка верила и гордилась. Потом верить перестала, но и вопросов не задавала, словно чувствовала, что ответа все равно не получит, лишь расстроит мать.

Номера дома, где жил Саша, Ира не помнила, но название улицы в память врезалось, этого было достаточно, чтобы выяснить его адрес. Письмо отправилось адресату, но вернулось нераспечатанным. Ее Сашенька по данному адресу больше не проживал. Поздно, слишком поздно она спохва-

тилась.

Ирина достала из стола голубоватый конверт, вскрыла ножом для бумаги. Нож остался от отца – он любил такие игрушки. Ира перечитала пляшущие строчки и даже порадовалась, что письмо вернулось. Слишком эмоционально, слишком сумбурно она сообщала Сашеньке о дочери. Она положила исписанную страницу обратно в конверт, швырнула его в стол, сунула нож в письменный прибор, вытащила из ящика папку с документами на квартиру и просмотрела. Мелькнула мысль, что пора завещание на Алешку написать. В любом случае после ее смерти она единственная наследница, но проблем у дочки с оформлением будет меньше.

Ирина поежилась и нырнула в постель. От одной мысли, что она может умереть и оставить дочь одну, стало страшно. Накрывшись с головой одеялом, она свернулась клубочком, старательно отгоняя от себя пугающие мысли. Получилось, но на смену одним страхам пришел другой, леденящий душу ужас: что Людмила Петровна никогда не позвонит.

* * *

– Мам, проснись! – Алешка трясла ее за плечо. – Тебя к телефону! Срочно!

Ирина резко села. Спросонья она не могла ничего понять. Машинально выхватила у дочери трубку, хрипло сказала: «Алло».

– Ирочка, это Людмила, – раздался из мембраны знакомый голос. – У меня для вас отличные новости! Наши зарубежные коллеги дали добро. Только что прислали нам информацию. Так что мы вашу девочку возьмем.

– Господи, счастье-то какое! Спасибо вам огромное! – закричала Ирина, соскочила с кровати, споткнулась и грохнулась на ковер, но трубку не выпустила. Поднялась, заплясала по комнате с телефоном, не переставая благодарить Людмилу.

Алешка застыла столбом, прислушиваясь к странному поведению матери. Ирина закрыла трубку ладонью.

– Алешкин, выйди, пожалуйста. И дверь закрой. У меня очень важный разговор.

Дочь послушно затрусила к двери, прикрыла ее.

– Вы меня слышите? – вернула ее к разговору Людмила. – Пока рано меня благодарить. Есть некоторые нюансы. Добро нам дали, но придется некоторое время подождать. Финансирование переносится на следующий год из-за бюрократических формальностей. Они не могут крупную сумму из бюджета вытянуть, если она не запланирована. У них все до копейки на этот год расписано. Не мне вам объяснять, вы же бухгалтер.

– Да, да, я понимаю... Я все...

– Не перебивайте, пожалуйста. Вчера у них было заседание. Комитет, который принимает решение о выделении грантов, вынес постановление о том, что наш проект будет

профинансирован со следующего транша. Документы подтверждающие нам прислали. Так что можем быть спокойны. Через полгода я с вами свяжусь. Ваша дочка первая в следующей группе добровольцев. Проведем лечение ноябрьской группы, а потом вашей девочкой займемся.

– Ноябрьской группы? Значит, вы уже набрали добровольцев? – отчаянно выкрикнула Ирина. – Людмила Петровна, родненькая! Я не могу ждать. Я хочу немедленно...

– Ирина, я же вам объясняю! Конечно, если вы оплатите лечение, мы уже сейчас приступим. Но к чему спешка? Вы человек не слишком состоятельный. Я вам предлагаю бюджетный вариант. Надо только подождать...

– Понимаете, Людмила Петровна, со здоровьем у меня проблемы. Сердце сдает. Очень плохо себя чувствую. Я могу полгода не протянуть. Боюсь, что умру. Не дай бог, но вдруг. Это, конечно, мои проблемы, простите, что грузу. Я спросить хотела. Если я найду деньги, вы возьметесь за лечение в ноябре?

– Что же мне с вами делать... Погодите, у меня идея только что проклюнулась. А что, если мы заключим с вами кредитный договор? Мы так уже делали с одним пациентом.

– Простите?

– Вы не оплачиваете лечение, а даете нам кредит, который покрывает лечение вашей дочери, за вычетом работы врачей. Итого вам надо будет оформить кредит на три миллиона семьсот пятьдесят тысяч рублей и двести пятьдесят ты-

сяч внести наличными. Когда мы получим грант, мы вам эту сумму – три миллиона семьсот пятьдесят рублей – возмещаем. За работу врачей, к сожалению, нет. Однако мы возместим вам кредит с процентами, которые частично покроют ваши расходы на врачей. При этом раскладе вы почти ничего не теряете. Все условия будут четко прописаны в контракте, который наши юристы для вас подготовят. В этом случае мы начинаем лечение в ноябре, а издержки вам компенсируем в апреле. Устраивает вас такой вариант?

– Да, меня устраивает! Спасибо вам огромное! – обрадовалась Ирина. От странной математики у нее голова пошла кругом. Почему работа врачей оплачивается отдельно от лечения, она понять не могла, но решила не вдаваться в тонкости. Возможно, зарубежные коллеги грант выделили на оборудование и материалы. Неважно. Ее дочка скоро обретет зрение и сможет жить в полную силу.

– В таком случае срочно ищите деньги.

– Я найду! На полгода я обязательно найду.

– Хорошо. Я подготовлю всю необходимую документацию. Ну все, прощаюсь. Прямо камень с души. Вы мне так полюбились, Ирочка. Очень ваша история тронула. Для меня счастьем будет помочь вашей дочке увидеть мир. Да, Ирочка. Чуть не забыла! Я за вас в ответе и очень волнуюсь, как вы деньги раздобудете. Сейчас такое время опасное. Аферистов кругом полно. Не вздумайте закладывать квартиру непроверенным людям. Если вдруг возникнет такая необ-

ходимость, то у меня есть отличный знакомый агент. Ему полностью можно доверять. Мишенька работает в кредитном центре и как раз занимается выдачей кредитов под залог недвижимости. Если вдруг вам понадобится его консультация или...

– Нет, нет, спасибо! У меня счет в очень хорошем банке. Им тоже полностью можно доверять. Я там почетный вкладчик. Уже десять лет как. Думаю, они не откажут мне в помощи.

– Вы уверены?

– Да, да! Не беспокойтесь, Людмила Петровна.

– В таком случае звоните, когда деньги будут у вас на руках. Только поторопитесь, мы стартуем через неделю.

Ирина опустилась на кровать и потеряла грудь в районе сердца. Боль крапивой жгла изнутри. Опять проклятый приступ стенокардии. Очень не вовремя.

В комнату заглянула Алешка.

– Мам, ты с кем разговаривала?

– С очень хорошим человеком.

– Ты про какое-то лечение говорила. У тебя опять сердце болит? Ты себя плохо чувствуешь, да?

– С чего ты взяла? Все хорошо, Алешик! Со мной все хорошо! Лучше не бывает.

– Тогда зачем тебе доктор понадобился? Про какое лечение вы говорили?

– Алеш, я тебе расскажу обязательно. Но не сегодня, лад-

но? Ты не представляешь, насколько наша с тобой жизнь скоро изменится. Ты не представляешь! Я на час-два уеду и вернусь. А ты, пожалуйста, больше никуда не ходи без меня. — Ирина выдвинула ящик стола и достала папку с документами на квартиру, паспорт, пенсионное удостоверение, трудовую книжку. Подумала некоторое время, нашла трудовые договоры, по которым в настоящий момент работала, положила в скоросшиватель, сунула все документы в сумку и направилась в прихожую. В дверях остановилась, вернулась за стол, включила компьютер и открыла сайт банка «КомИнвестТраст». Совсем она отупела от эмоций, сразу не сообразила, что времена нынче продвинутые. Не обязательно ехать в банк, можно оформить заявку на кредит по Интернету и одним нажатием пальчика отправить ее на утверждение кредитному менеджеру.

Глава 3

ДОХОДНАЯ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Шесть дней спустя...

Президент банка «КомИнвестТраст» Павел Сергеевич Зургин задернул жалюзи в своем кабинете, погасил свет и включил диапроектор. Двое его коллег, финансовый директор Дмитрий Архангельский и директор по персоналу Ларочка Воскобойникова, заинтересованно уставились на большой освещенный экран. Через мгновение заинтересованность сменилась нескрываемым изумлением.

– Дерьмо какое! – выругался Архангельский, глядя на мелькающие слайды с одутловатыми лицами опустившихся людей. – Где ты наснимал эти рожи?

– На Киевском вокзале, – похвалился Павел. В отличие от своих собеседников президент банка вел себя иначе. Во взгляде его темных глаз застыло торжество. Зургин ослабил галстук, снял пиджак, швырнул на кожаный диванчик для посетителей и возбужденно заходил по кабинету с пультом в руке. – Еще я снимал бомжей в районе трех вокзалов. У них там гнездо. Я туда уже пару недель мотаюсь, изучаю их жизнеустройство. У них своя иерархия, лидеры, рабочая сила, китайцы.

– Что, прости? – поинтересовался Архангельский.

– Китайцы – конченные бомжи, которых даже свои не уважают. Детей много. Живут отдельно от взрослых, воруют, побираются, клей нюхают, колются. Все аптеки вокруг вокзала торгуют дрянью, которая заменяет героин. Одному из детских лидеров двенадцать лет, а он легко может забить до смерти любого. Но это так, лирическое отступление. До свалок не добрался пока. Туда просто так не прорваться с фотоаппаратом. Морду разобьют вместе с объективом. Но я, собственно, туда и не стремлюсь. В Москве достаточно материала.

– Ужас, меня сейчас стошнит. Такое ощущение, что здесь завоняло бомжатиной и по мне ползают вши, – простонала Ларочка и нервно почесала голову, словно у нее в самом деле были вши. – Зургин, ты в своем уме вообще? Что ты затеял? Тебе надоели поездки в аэроклуб? Больше не возбуждают полеты на вертолете? У тебя хобби новое – фотосъемка московского «дна»? – спросила она, одарив его возмущенным взглядом синих глаз. – И вообще, зачем ты бороду вздумал отращивать? Я с твоими лохмами мирюсь с трудом! А ты бородой, как у полярного археолога, решил меня осчастливить. Ужасно! Тебе категорически не идет. Ты сам стал похож на бомжару, и пахнет в последнее время от тебя как-то подозрительно! – с отчаянием сказала Ларочка, крутанулась на его президентском кресле и подула на свои ноготки, покрытые изумрудным лаком, словно просушивая свежий ма-

никюр. Она всегда так делала, когда злилась или была с Павлом категорически не согласна.

– Ларочка, я же говорил, это временно! Аэроклуб мне не наскучил. Напротив, я купил на днях двухместный «Robinsonn». Не успел тебе сказать, прости.

– Зачем? – удивилась Лариса.

– Захотелось, – удивился ее странной реакции Павел. – Всегда мечтал иметь частный вертолет. Мало того – это прекрасное вложение денег. Поженимся – будем вместе летать. Потерпи, радость моя, – весело сказал Зургин, почесал бороду, включил свет и занял место за брифинг-приставкой, оставив Ларису восседать в своем кресле.

С недавнего времени Ларисе Леонидовне Воскобойниковой дозволено было все. Даже закидывать стройные ножки на столешницу на американский манер и невзначай расстегивать две верхние пуговицы на скучной корпоративной блузке. Эти вольности Павлу нравились, как и сама Ларочка, ее снисходительно-игривый взгляд, стильное каре с короткой челкой, фарфоровая кожа, нежный румянец на скулах и наглость.

Напротив Зургина развалился, как расхлябанный школьник, Дмитрий Архангельский. С Димкой они были друзьями детства, посему дозволено ему тоже было все или почти все. Внешне Дмитрий походил на аристократа, проводящего жизнь в праздности. Манеры, дорогие костюмы с иголки, сшитые на заказ у лучших портных, длинные русые во-

лосы, ухоженные и блестящие, как у девушки, маникюр, в голосе леность, во взгляде романтизм. Однако впечатление это было обманчивым. Как только Архангельский открывал рот, ореол аристократизма развеивался, как дым. Изысканной речью Дмитрий не отличался, сказывалось голодное детство в рабочем квартале Москвы. Деловая хватка у Архангельского тоже была совсем не интеллигентная, бульдожья, своего он никогда не упускал. А так как друг детства был соучредителем банка «КомИнвестТраст», то на благо компании он работал с полной отдачей.

– Может, объяснишь наконец, что все это значит? – снова вступила в разговор Лариса. Голос ее окреп, взгляд стал тверже – освоилась и сейчас пойдет на штурм. Она скинула ноги со стола, поднялась, одернула узкую юбочку до колена и присела на стол, демонстрируя Зургину гибкость своей идеальной фигуры. – Если тебе так хочется куда-нибудь потратить лишние деньги, съезди лучше в детский дом. На балансе у нас аж два висит. Ты давно там был? Говорят, воруют со страшной силой. Совсем оборзели. Чего это вдруг тебя на бомжей потянуло? Благотворительность – это, конечно, дело хорошее, но зачем спускать деньги в унитаз?

– Пусть воруют, лишь бы детей не обижали, – возразил Павел. – Обижают когда? Когда персонал голодный и неудовлетворенный. А мы руководство неплохо кормим, закрывая глаза на некоторые вещи. У директрисы Саратовского детского дома машина появилась, у валдайского кренделя – до-

мик в деревне. Ясно, на какие шиши они это все организовали. Чтобы никто не вякал, руководство поделилось с персоналом. Те тоже счастливы. В регионах жизнь от столичной сильно отличается. У всех дети, всем кушать хочется, а котлетами общепитовскими сыт не будешь. Когда человек счастлив, он щедр с другими. А вот в горе он эгоист – ничьих проблем не замечает, не до того, самому бы выкарабкаться. Поэтому довольный персонал – детишкам в радость. Мне ли это объяснять тебе? Психологу, тонкому знатоку человеческой природы. А то, что котлет на всех не хватает и, возможно, детям чего-то не перепадает, – мелочи жизни. В войну вообще чай вприглядку пили, и ничего – крепче только стали. Главное – душевное отношение.

– Какое, на фиг, душевное отношение? – огрызнулась Лариса. – Дети когти рвут из этих санаториев тепла и заботы. От хорошей жизни никто не бежит. Ладно, проехали. Твои деньги, что хочешь с ними, то и делай, – сказала она равнодушно.

Ларочка лукавила. Деньги Зургина она стала считать своими, как только из разряда любовницы перешла в статус официальной невесты. Павла предприимчивость невесты забавляла и удивляла скорость, с которой Ларочка обнаглела. Совсем недавно она вела себя как выпускница пансиона благородных девиц, беспрекословно выполняла все его поручения и держалась с ним строго по-деловому. Даже когда стала его любовницей, продолжала соблюдать субординацию. Как

только они официально объявили о помолвке и на пальчике Ларочки засверкало кольцо с колумбийским изумрудом от Chopard, она резко переменилась. От сухости не осталось и следа. Лариса стала похожа на кошку – гибкая, мягкая, но настойчивая, – она проникала везде и по-хозяйски оккупировала территорию. Излюбленным ее местом был кабинет Зургина. Здесь она любила сидеть на столе и незатейливо вытеснила его с кресла президента. Любого другого, возможно, перемены в Ларочке смутили бы, но не Павла. Пусть. В конце концов, она не просто официальная невеста и любимая женщина, Лара дочка важного стратегического партнера и правая его рука. В делах она незаменима. Как так вышло, Павел Зургин понимал с трудом, на работу он принял ее исключительно из уважения к отцу, который попросил пристроить дочку на практику в его банк после обучения в Швейцарии.

Зачем Ларочке приспичило работать, Павел тоже до поры до времени не понимал. В деньгах она не нуждалась, была упакована с головы до пят и работала исключительно за интерес. Потом он понял, что это и было главной ее мотивацией. Реализовать себя, добиться успеха и утереть нос влиятельному папаше. Амбиции у девочки были непомерные. Воскобойников-старший тоже не рассчитывал, что все так обернется. Надеялся, что дочь, споткнувшись, вернется в лоно семьи и станет помогать ему в бизнесе. Ларочка удивила всех – и отца, и самого Павла. Протекция главного партнера сыграла свою роль только при поступлении на рабо-

ту, никаких поблажек Зургин Ларочке не делал. По карьерной лестнице она продвигалась самостоятельно. Не прошло и двух лет, как она из помощника руководителя кадрового отдела доросла до директора по персоналу, взлетев по карьерной лестнице на самый верх и сметя всех на своем пути. Зургин на нее молился. Благодаря ее чутью на перспективных сотрудников и знаниям, полученным в лучшей швейцарской школе, удалось создать уникальную систему управления персоналом. Лариса Воскобойникова сделала ставку на молодых и принялась молодняк выращивать, как элитную плодово-ягодную культуру, используя вместо удобрений современную методику адаптации, обучения и мотивации. Вскоре ее методика дала свои плоды, текучка сократилась, снизились издержки, выросла прибыль, персонал работал с полной отдачей и был доволен. Попастъ на работу в скромный банк «КомИнвестТраст» стало очень престижно.

Оборотистой Ларочка оказалась не только в работе, но и в личной жизни. Павел сам не понял, как очутился с ней в койке. Она всегда ему нравилась как женщина, но чтобы трахнуть дочь партнера! Да еще собственную подчиненную! Зургин даже думать на эту тему не смел. Все произошло так естественно, словно преград никаких на пути не было. Ему так, во всяком случае, показалось, когда он протрезвел и увидел Ларису в своей койке в номере турецкого отеля, куда они с дирекцией отправились отмечать корпоратив в честь десятилетия Кита – так ласково называл Зургин свое дети-

ще, банк «КомИнвестТраст».

Дальше интересней. Не успел он оценить масштабы катастрофы, как Ларочка расплакалась и призналась ему в любви. А Павел, пораженный ее бесхитростной откровенностью, смотрел на девушку, словно видел впервые, и удивлялся, как мог не замечать в ней этого бешеного огня страсти, нежности, женского интереса к его персоне. Как мог не замечать нежный румянец на скулах, пушок над верхней губкой, густую синеву глаз, подчеркнутую серой окантовкой. Как он мог не видеть, что у директора по персоналу такая аппетитная задница и сиськи, в конце концов! Впрочем, на задницу, грудь и ноги он как раз обратил внимание, когда принимал Ларису на работу, а вот нюансы углядел только после бурной ночи любви.

Когда они вышли к завтраку, все сотрудники уже знали, что случилось. Знал и отец Ларисы. Какая-то сволочь наступала. Воскобойников позвонил после полудня и пообещал, что оторвет ему яйца, если Павел обидит дочь. Обижать Ларочку намерений у Павла не было, но наезд Воскобойникова его напряг. С какого перепугу? Они взрослые люди, и девочка давно не девочка. Возникло желание послать дочурку партнера в жопу, но вместо этого он отчего-то заявил, что давно любит Ларису и собирается на ней жениться, даже если кому-то это не по душе. В завершение разговора вместо Ларочки он послал в задницу ее отца. Стратегического партнера банка! Леонида Васильевича Воскобойникова – в про-

шлом криминального авторитета, ныне влиятельного бизнесмена, который до сих пор не брезгает порой решать свои проблемы силовыми методами. Мало того, Леонид Васильевич мог в два счета разорить его банк, забрав все средства со счетов и лишив его оборотных средств. Павел понял, что погорячился, но было поздно. Лариса, которая стала свидетелем разборок, сначала обрадовалась, а потом, до конца осознав, что случилось, впала в истерическое состояние. Впервые в жизни он видел, как Лариса потеряла самообладание. Дело труба, подумал Зургин. Никаких сомнений не было, что по возвращении в Москву его ждут серьезные неприятности.

Когда Павел увидел в зале прилета мелькавшего в толпе встречающих отца Ларисы, то понял – жить ему осталось недолго. Назрел вопрос: уроет он его сразу в аэропорту или по дороге?

В аэропорту Воскобойников его не убил, пригласил в гости. Прикончит по дороге и зарует у себя в саду, решил Павел и пожалел, что не успел составить завещание.

Ларочка сидела в машине бледная, с каменным лицом и за всю дорогу не проронила ни слова. Павел уныло рассказывал о поездке на море и чувствовал себя нашкодившим младенцем. Воскобойников кивал, но его лицо не выражало ни единой эмоции. Как назло, пробок на дороге не оказался. До особняка Воскобойникова доехали быстро, с ветерком. Вылезать из машины страсть как не хотелось, а ему еще

и пришлось вытаскивать из салона Ларочку, передвигаться самостоятельно она не могла.

Леонид Васильевич отправил дочь в ее комнату отдыхать с дороги, а Павла увлек в кабинет. И вместо того чтобы убить, налил виски. Выпили, закурили сигары, и Воскобойников принялся с живым интересом выспрашивать Зургина о предстоящей свадьбе. Выглядел он при этом довольным и на будущего зятя смотрел с уважением. Как вскоре выяснилось, уважение Павел заслужил после достойного ответа на наезд. Если бы Зургин раньше знал, как заслужить большое уважение бывшего криминального авторитета, то почаще посылал бы того в жопу.

От свадьбы получилось на некоторое время отмазаться. Не то чтобы Зургин не желал на Ларисе жениться. Против брака он не возражал. Пока он летел в самолете, много размышлял на эту тему и понял, что Лариса составит ему идеальную партию. О семье он мечтал давно, хотел детей, но на жизненном пути не встречалось достойных кандидаток. В Ларочке сочеталось все, что он ценил в женщинах: ум, красота, живость, сексуальность, страстность, но ему требовалось время. Слишком уж стремительно развивались события. Ларочка, к счастью, его не торопила, покорно ждала, вела себя достойно, чем укрепила уверенность Павла, что он сделал правильный выбор. Через три месяца Зургин сделал Ларочке официальное предложение и презентовал кольцо, которое стоило целое состояние. Лариса обрадовалась и сра-

зу обнаглела. Это ничего. Пусть наглеет, сидит на здоровье в его президентском кресле, главное, чтобы на шею не села.

– Не понимаю, при чем тут вообще детские дома? – терпеливо возразил он невесте, хотя в душе уже поднялась волна раздражения, что его гениальную идею приняли в штыки. Причем, даже не выяснив сути проекта до конца. – Интернаты – это забота Архангельского. Это он хотел снизить налоги таким макаром. Пусть теперь мотается в регионы. Инспектирует.

– А что сразу Архангельский? Чуть что – сразу я! – встрепенулся Дмитрий. – Ларка права. С жиру ты бесишься, Павел Сергеевич. Бомжи какие-то. Кто этим всем будет заниматься? Я лично не собираюсь вшами обрастать из-за твоих креативных заскоков. К тому же я уверен, что ничего из твоей затеи не выйдет.

– Выйдет, – упрямо заявил Зургин. – Я дам этим людям шанс, и тот, кто правильно им воспользуется, – вернется в социум и даже добьется успеха. К тому же я не собираюсь деньги в унитаз спускать, как выразилась Лариса, а рассчитываю, что проект принесет прибыль.

– Очень интересно, как ты собираешься получить прибыль на бомжах? В свой банк пристроить и клерками их сделать? На кассу посадить? – ядовито заметила Ларочка. – Я могу из любого говна конфетку сделать, но в данном случае должна тебя разо–чаровать. Этот контингент необучаем. Думаешь, почему они мотаются, как дерьмо в проруби,

по городу, когда в Москве полно приютов? В подъездах спят, жрут с помойки, даже замерзают насмерть. Потому что в ночлежках и приютах пить запрещается, а чтобы выбраться из ямы, надо работать. Бомжей нельзя исправить. Я тебе больше скажу, твой шанс им на хрен не нужен. Кто перешел черту, тот к нормальной жизни не вернется уже.

– Приют – это не шанс, это возможность вшей вывести, – раздраженно возразил Павел. Поведение невесты стало все-рьез его напрягать.

– Нет, я все-таки хочу понять!

– Вот и попробуй, – сухо сказал Зургин. – Помолчи хоть немного и выслушай меня до конца. – Ларочка стрельнула в него гневным взглядом, но притихла. Никогда прежде Павел не позволял себе так резко ее одергивать. – Я не настолько наивен, чтобы не понимать, что большинство бродяг падшие люди. Мало того, их вполне устраивает такая жизнь. Но есть те, кто оказался за бортом случайно, в силу объективных причин. Кинули их, обманули, семейная драма, трагедия жизненная случилась... Да мало ли... Человек упал, но подняться уже не смог. Сил не хватило. Рядом не оказалось дружеского плеча. Именно таким нужны шанс и помощь. Что касается финансовой стороны дела, то затраты окупятся, если мы из моей затеи сделаем шоу. Поэтому я вас и пригласил. Мне нужна ваша помощь. – Зургин заискивающе посмотрел на Ларису. – Может, поговоришь с отцом? Насколько я знаю, у него неплохие связи в этом бизнесе. Мне нужен

выход на продюсеров центральных каналов. Устроим шоу типа «Модного приговора» и «Поля чудес» для бомжей. Отмоем их, приоденем, стилизуем и заставим вытащить счастливый билет. Прикиньте, какой рейтинг будет.

– Клево! – оживился Архангельский.

– Ничего оригинального не вижу, – заупрямилась Ларочка, хотя глаза ее блеснули интересом. – Во-первых, что-то подобное уже было. Журналисты бомжа отрыли на помойке, отмыли, нарядили, показали публике, а потом отправили обратно.

– Не слишком гуманно они поступили, – хохотнул Павел.

– Они что, должны были его у себя дома поселить? Бомж не расстроился совсем, пожрал, помылся, рассказал всему миру свою печальную историю и убежал от телевизионщиков на свалку, только пятки сверкали. Идея твоя затаскана до дыр. Сейчас тему золушек и чудесного их преобразования по всем каналам мусолят. Задолбали уже. То из провинциальных шалав принцесс пытаются сделать. То козам разным с от замороженной башней естественную красоту прививают. Причем так бездарно, что лучше бы ничего не меняли. Я тут одну передачу видела...

– Ларис, можно я продолжу? Будь любезна, выслушай меня до конца! – рявкнул Павел. Она состроила недовольную мину, но умолкла. – Я с тобой полностью согласен, – уже мягче сказал он. – Все эти шоу развиваются по стандартным сценариям. Преобразили героя, все рады, счастливы, скупая

слеза, слова благодарности, клятва начать жизнь с чистого лица... Героя отправляют домой. Что персонаж делает дальше, зрителю неизвестно. Иногда это показывают, но чтобы широкоформатно... Не знаю, как вам, но мне всегда хотелось узнать, что происходит с участником, когда он выходит из съемочного павильона. Как меняется его жизнь? И меняется ли вообще?

– Ну? – поторопил его Архангельский.

– Баранки гну. Неужели еще не допетрили?

– Ты хочешь продолжить съемки за кадром? – закончил его мысль Архангельский и присвистнул.

– Молодец, пятерка. Все шоу завершаются после преобразования героя. А наше начнется с того момента, когда герой выйдет из дверей съемочного павильона. Мы покажем зрителю, что происходит за кадром. Продолжим снимать участников шоу скрытой камерой и покажем народу реальную жизнь.

– А ему это надо – зрителю? – протянул Архангельский.

– Слава богу! – перебила его Ларочка. – Я уж было решила, что ты башкой стукнулся обо что-то твердое, – с облегчением вздохнула она. Выглядела Лара смущенной, видно, почувствовала, что неправильно себя вела. Чтобы загладить свою вину, она оторвалась от стола, встала сзади и запустила свои пальчики в каштановые вихры Павла. Массаж головы она делала первоклассно. Зургин размяк. Архангельский хмыкнул, наблюдая идиллическую картину. Ларочка чмок-

нула Павла в макушку, вернулась в президентское кресло и промурлыкала: – Мне нравится твоя идея, хотя, по сути, ты планируешь разрушить веру человека в сказку, развеять иллюзии. Собственно, мне по фигу, чьи иллюзии мы развеем. Главное, что за счет этого сброда мы сможем замечательно пропиарить банк, привлечь новых вкладчиков и бабок с проекта срубить. По поводу продюсера ты прав. Надо с отцом поговорить. Он правильного человека подскажет, который нас с этой идеей не кинет и на деньги не разведет. Сегодня же с ним побеседую. Думаю, никаких проблем не будет. Отец любит всяческие игры. Да я сама под это дело готова вложиться! Только одна загвоздка: как ты найдешь среди стада тупых бомжар тех, кому стоит протянуть нашу щедрую руку помощи? Они же все на одну рожу. Или мы методом тыка будем выбирать?

– Нет, методом тыка выбирать никого не будем. Кому интересно смотреть на тупых алкашей? Надо искать бриллианты в навозной куче. А чтобы их найти, я туда внедрюсь, – заявил Павел и хлопнул ладонью по столу. Ларочка от неожиданности подпрыгнула в кресле.

– Куда? – ошарашенно воскликнула она. – Зургин, ты что – шутишь? Не смешно, между прочим.

– Нет, я серьезен, как никогда, дорогая. Мне надо пожить как бомж, влиться в среду, понять их психологию и вычислить тех, кто имеет хоть какую-то перспективу стать нормальным человеком. Ярких самобытных личностей найти,

со своей историей. Я уже некоторую работу в этом направлении провел, представляю иерархию внутри кланов и легенду себе придумал, осталось только прописаться. Дим, – обратился он к другу, – мне нужна твоя помощь.

Архангельский сделал круглые глаза и вжался в стул.

– Э-э-э-э... – промычал он. – Я как бы...

Зургин его перебил.

– На поиски героев уйдет уйма времени. Не знаю, сколько дней я на вокзале проторчу. Хочу делегировать тебе свои полномочия. Будешь управлять банком на время моего отсутствия, чтобы я не дергался. Справишься?

– Блин, как ты меня напугал! – с облегчением выдохнул Архангельский. – Я решил, что ты меня с собой на охоту взять собрался. Спасибо за доверие. Подменю, не проблема, – легкомысленно отмахнулся он.

– Значит, ты собираешься найти ярких самобытных личностей среди спившегося сброда тупых лентяев? – Ларочка громко расхохоталась, но в ее синих глазах плескалась ярость.

Павел почесал затылок. Причина ярости была, конечно же, не в бомжах. Ларису явно взбесило, что на должность ИО президента он выбрал Архангельского, а не ее. Как же он не подумал о том, что невеста справится с задачей не хуже, а может быть, и лучше друга. С другой стороны, Архангельский работает в банке со дня его основания и является соучредителем. Так что пусть Лариса отдыхает. У Димки боль-

ше прав, разозлился Зургин. Постоянная конкуренция между невестой и близким другом его напрягала, но все попытки развести их в разные стороны ринга оканчивались неудачей. Теперь вовсе друг друга загрызут, с тоской подумал он.

– Павлушка посмотрелся голливудских фильмов, – протянул Архангельский. – Сюжет напоминает американскую комедию «Жизнь дерьмо». И еще один фильм... Забыл, как называется. Как два миллионера-братца-маразматика заключили пари на доллар, что любой бомж сможет управлять их компанией, если его вытащить из помойки и создать ему благоприятные условия. Управляющего вышвырнули на улицу, всех благ лишили, а на высокую должность определили первого встречного бомжа. Смотрела, Лар?

– Я не смотрю всякую голливудскую хрень, но суть поняла, – холодно отозвалась Лариса. – Надеюсь, Павел не станет бомжей на управляющие должности в банк пристраивать. А то мы с тобой работы лишимся, – она снова расхохоталась. – Впрочем, я даже готова заключить пари, что после шоу все бомжары вернутся на помойку, работу задвинут, нормальные шмотки поменяют на обноски, деньги пропьют и сдохнут где-нибудь в сортире.

– На что спорим? – спросил Павел с улыбкой.

– На доллар мне спорить неинтересно. Спорим на твой банк? – без тени улыбки предложила Ларочка.

Архангельский хохотнул и притих, наблюдая за ними.

– Зачем тебе мой банк, Лар? – иронично спросил Павел. –

После нашей свадьбы он в любом случае будет твоим.

– Пашенька, не надо петь мне романсы из серии «Я подарю тебе звезду!». Даже в случае развода я не получу ни копейки с твоего детища.

– Как интересно! Мы с тобой еще не поженились, а ты уже думаешь о разводе, – усмехнулся Павел, но глаза его остались серьезными.

Лара напряглась, сообразив, что сморозила глупость. Некоторое время она молчала, пытаясь понять, насколько серьезно пошатнулось ее положение независимой девушки и как теперь разгружать сложившуюся ситуацию. Лучшая защита – нападение. Сейчас соберется и пойдет в наступление, предположил Павел и угадал.

– Мне тут настучали знающие люди, что вы на прошлой неделе с отцом обсуждали брачный контракт, – сказала она, в ее голосе звучала сталь. – Так что о разводе думаешь ты! Мог бы, между прочим, сам поставить меня в известность и спросить моего мнения. В конце концов, ты женишься на мне, а не на моем папе.

– Ребятки, ребятки, может, мы вернемся к теме нашей встречи? Не слишком удачное время вы выбрали для выяснения отношений, – попытался разрядить обстановку Архангельский, но его никто не услышал.

– Заключение брачный договор – идея твоего отца. Я человек традиционных взглядов. Мне до лампочки все эти модные тенденции. Но папашу твоего можно понять, ты у нас

невеста непростая. Поэтому он пытается тебя таким образом уберечь. Я как порядочный человек обязан прислушиваться к его мнению, – парировал Павел. Ответ Зурбина Ларочке явно не понравился, в глазах невесты зажегся дьявольский огонь.

– Печально, очень печально, что ты во всем соглашается с моим отцом, – наигранно вздохнула она. Зургин хмуρο уставился на невесту. В душе поднялась такая волна раздражения, что захотелось Ларису задушить. По сути, она назвала его слизняком. Оскорбила. Да как она смеет! Лариса уловила резкую перемену в его настроении. – Не совсем понимаю, почему тебя так напрягло мое предложение? – мурлыкнула она. – Ты же на сто процентов уверен в своей затее. Так чего же ты боишься?

– Кто сказал тебе, что я боюсь, радость моя? – беззаботно сказал Павел, пытаясь справиться с гневом. – Я просто прикидываю, что попросить у тебя взамен, если выиграю. А то несправедливо получается. Если я проигрываю, ты получишь мой банк. А если проигрываешь ты – что получаю я?

– Проси, что хочешь, любимый, – игриво сказала она. – Исполню все, как говорится, в лучшем виде.

– В таком случае, если проигрываешь ты, то...

В кабинет постучались, и в дверном проеме появилась очаровательная кудрявая головка референта Настеньки.

– Что тебе? – раздраженно спросил Зургин. Прервала на самом интересном месте!

– Павел Сергеевич, там опять она.

– Кто?

– Тетка, которая кредит просит. Ирина Симакова. Она всех менеджеров уже достала, теперь сюда явилась. Сказала, что не уйдет, пока вы ее не примете. Говорит, это вопрос жизни и смерти. Дочке ее лечение требуется. Она прозреть может, если вы кредит дадите.

– Что она может? – заржал Архангельский.

– Прозреть. Слепая она от рождения, – пояснила Настя.

– А кредит большой? – поинтересовался Зургин.

– Три миллиона семьсот пятьдесят тысяч.

– Все, понял, про кого ты говоришь. – Зургин зевнул. – Я смотрел ее кредитную историю. Не проходит она. Зарплата небольшая, возраст пенсионный, поручителей нет. На что она вообще рассчитывала, когда кредит просила? С чего она собирается отдавать? Там одни проценты в месяц покрывают ее месячный заработок вдвое.

– Она говорит, что проценты будет платить со сбережений. Сбережения на счете в нашем банке имеются. Сумма – один миллион рублей с копейками. Правда, двести пятьдесят тысяч она планирует забрать сегодня. Лечение стоит четыре миллиона. Кредит просит на шесть месяцев. Я посчитала, оставшейся суммы вполне хватает.

– Настя, разве это в твоей компетенции? Тебе что, больше заняться нечем? Завтра она придет и снимет остальные деньги со счета. Юридически мы не сможем ей помешать.

– Простите, Павел Сергеевич, я больше не буду, – надулась Настенька. – Хотела только сказать, что у Симаковой договоренность с медицинским центром. Она лечение дочери кредитует, а через полгода они ей возмещают всю стоимость с процентами. И потом, у нее квартира в собственности есть. Большая, четырехкомнатная, на Фрунзенской набережной. Она хочет в залог ее предложить.

– Чушь какая-то. Она кредитует медицинский центр, они лечат ее дочь, а потом с какого-то перепугу гиппократы возвращают ей всю стоимость лечения. Бред! Мошенница она или сумасшедшая.

– Что же делать? – растерялась Настя.

Зургин тяжело вздохнул.

– Работать, Настенька, работать! Скажи ей, что мы не оформляем кредиты под залог недвижимости. Пусть идет в другой банк или контору, которая этим занимается. Сейчас таких кредитных центров как грязи. Оформляют залогов без проблем. Или в благотворительный фонд какой-нибудь чешет.

– Павел Сергеевич, может, вы все-таки уделите ей минутку своего времени? Не похожа она на аферистку и сумасшедшую. Ей реально помощь нужна! У нее дочка слепая с рождения. Она справку показала. Для девочки это последний шанс обрести зрение.

– Насть, ты что, плохо слышишь? Мне по барабану ее проблемы. Слепые с рождения не могут прозреть. Это ка-

кая-то афера однозначно. Кредитную заявку не подпишу. У нас правила для всех одинаковые. Проводи женщину к выходу. Если не уйдет, охрану пригласи. Все, Настя. Я занят и прошу меня больше не беспокоить!

За референтом закрылась дверь. Павел поморщился. После разговора с помощницей на душе остался неприятный осадок, словно он сделал что-то неприличное. А что, собственно, он такого сделал? Если он всем сумасшедшим будет миллионные кредиты выдавать, то самому придется ходить с протянутой рукой. Дудки! Не для того он работает как вол, чтобы все потерять. Кому-то все на блюдечке с голубой каемочкой дается, а ему пришлось пробиваться самому, без помощи богатых родителей, без блата, без денег. Свое место под солнцем он у жизни выгрыз зубами!

Зургин покосился на Ларису и лучшего друга. Архангельский равнодушно листал бизнес-журнал с биржевыми сводками. Ларочка сосредоточенно размышляла о чем-то своем. Вероятно, прикидывала варианты расплаты. Никому не было дела до гражданки Симаковой и ее слепой дочери. Зургин успокоился.

– Ну и?.. – лениво спросил Дима, отложив журнал в сторону. – Чем же тебя осчастливит Ларочка, если проиграет? Не томи, рассказывай!

– Да, говори уже, Зургин, – подбодрила его невеста.

– Ты выйдешь замуж за первого встречного бомжа, пропишешь его к себе в пентхаус и проживешь с ним год под од-

ной крышей, – с расстановкой сказал он. Лариса вздрогнула и посмотрела на него с таким искренним изумлением, что Павлу стало немного стыдно. Сдерживая желание все переиграть немедленно, он лучезарно улыбнулся невесте. – Согласна, радость моя? – иронично спросил он и решил проявить великодушие, не высмеивать Ларочку, когда она откажется от пари. Но она неожиданно протянула ему свою ладошку и заявила:

– По рукам!

Архангельский живописно покрутил пальцем у виска и тут же предложил оформить пари у знакомого букмекера. Ларочка горячо поддержала эту идею. Впервые в жизни друг и невеста были в чем-то солидарны. Похоже, Лариса на сто процентов уверена, что банк уже у нее в кармане. Невеста до конца не поняла, что ее ждет, если она проиграет пари. Вот дурында! Плохо она его знает, подумал Зургин. Теперь он из принципа доведет дело до победного конца. Впрочем, банк дарить Ларочке у него тоже желания не было.

Глава 4

ВЫХОД В СВЕТ

Ирина вышла из дверей «КомИнвестТраст» и разрыдалась. В сумке у нее лежал один миллион рублей сорок копеек. Со злости она закрыла счет, сняла все деньги до копейки. Как они могли так с ней поступить! Сволочи! Как же они не понимают, что деньги – это труха! Главное – человек. Буржуи, падаль капиталистическая! Президент ее даже не принял, не выслушал, не вошел в положение. Как он мог? Ирина читала интервью Зургина в одном бизнес-журнале и радовалась, как идиотка, что держит деньги у такого порядочного во всех отношениях человека. Сам себя сделал, с нуля поднялся. В десять лет остался без родителей, они разбились в автомобильной аварии. Вырос под опекой бабки. Работал с четырнадцати лет. Поступил в финансовый институт. Окончил аспирантуру. С нуля раскрутился. Симпатичный мужик, статный, на медведя похож, без пафоса и снобизма. Он так ей понравился, столько уважения вызвал.

– Подонок! Говнюк! Чтоб ты пропал! – в сердцах крикнула Ирина и плюнула в зеркальную дверь банка «КомИнвестТраст». Был бы под рукой камень, швырнула бы.

Из дверей показался хмурый охранник, направился к ней.

– Чтобы ты разорился, Зургин! Чтобы ты на помойке ока-

зался, сволочь! – крикнула она в лицо охраннику, развернулась и побежала в сторону сквера, размазывая беретом злые слезы по щекам.

Добежав до безопасного места, Ирина пристроила берет на голову, прислонилась спиной к березе, всхлипывая, пошарила по карманам, достала телефон и носовой платок, высморгалась. Руки тряслись, никак не получалось поймать нужную клавишу. Телефон вдруг сам ожил.

– Людмила Петровна, я как раз вам собиралась звонить! У меня беда! – дрожащим голосом сказала Ирина. – Ничего у меня не получилось! Мне кредит не дали. Почти неделю заявку рассматривали и отказали. Я ходила, умоляла, чуть ли на колени не падала. К президенту банка пыталась прорваться – не принял. Даже под залог квартиры они не хотят кредит давать. А у меня шикарная четырехкомнатная квартира с окнами на Москву-реку. Такая стоит миллионы! Мать хотела ее на меньшую поменять – я не дала. Сберегла для Алешки. Мечтала, что, когда она прозреет, увидит из окна сказочный мир, а не помойку с бомжами. А если вдруг не сложится, будет комнаты сдавать и жить с ренты. В итоге я упустила время. Не представляю, где я смогу денег найти за один день. Может, вы еще немножко подождете? У меня в наличии есть миллион рублей. Это все мои сбережения. Я откладывала для доченьки всю жизнь, каждую копейку берегла. Хоть сегодня могу их подвезти куда угодно. Остальные деньги постараюсь раздобыть как можно быстрее. Прав-

да, не представляю пока – где.

– Ирочка, милая, не плачьте, я вас умоляю! – захохала Людмила. – Я же вам говорила, у меня есть проверенный человек, который занимается залогами. Что же вы меня не послушали. Под мою гарантию он вам без всяческих затруднений выдаст нужную сумму. Адрес говорите, он подъедет, куда скажете, сегодня.

– Так поздно уже!

– Вы хотите получить деньги и определить вашу дочь к нам в центр? Я ждать не могу. Я не одна работаю, сами понимаете. Другие пациенты тоже ждут, волнуются.

– Простите, простите меня! Совсем у меня помутнение рассудка случилось. Да, я хочу! Очень хочу!

– Тогда диктуйте адрес и ждите. Зовут его Михаил Залепин. Он приедет к вам через пару-тройку часов с залоговым договором и нотариусом.

– А нотариус зачем? – растерялась Ирина.

– Как зачем, милая моя? Доверенность надо будет на Михаила оформить, чтобы он мог перевести деньги на наш счет. Не беспокойтесь. Схема отработана. Он все сделает как полагается. Я вам позвоню, когда четыре миллиона рублей упадут на наш счет, и пришлю за вами машину. Документы, подтверждающие, что мы вам вернем три миллиона семьсот пятьдесят тысяч рублей с процентами, готовы. Процент, правда, небольшой получилось выбить. Вы уж не обессудьте.

– Да что вы! Ничего страшного! – замахала рукой Ирина,

словно Людмила Петровна ее видела. – Так вы же говорили, наличными надо двести пятьдесят тысяч?

– Я говорила, что двести пятьдесят тысяч мы вам вернуть не сможем, – с раздражением сказала Людмила. – Можете заплатить наличными, если вас не устраивает мое предложение.

– Простите, Людмила Петровна, – смутилась Ирина. – Меня все устраивает, я просто уточнила.

– Хорошо! Итак, мы получим деньги, я пришлю за вами машину. Привезете девочку, подпишете контракт. Все хорошо, Ирочка, можете расслабиться. Мы вас с нетерпением ждем. У вашей девочки будет отдельная палата со всеми удобствами, оборудованная по последнему слову техники. Питание у нас превосходное. Отношение душевное и внимательное. Посещения свободные. Испытуемый обеспечен всем необходимым. От вас только требуются предметы личной гигиены и смена одежды, если доченька ваша не любит казенное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.